

КАЛУЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Тезисы докладов

5-й историко-археологической конференции

Калуга — 1993

А. С. Фролов

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ —
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Актуальность дискуссия о сокращении (или полном прекращении) охраны археологических памятников является (по существу, по сути) в археологической науке уже более 20 лет.

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Тезисы докладов

5-й историко-археологической конференции

Редакционная коллегия:

Г. И. Доманова

Н. В. Марченко

О. Л. Прошкин

В. Я. Филимонов, доктор исторических наук

А. П. Черников, кандидат филологических наук

АРХЕОЛОГИЯ

А. С. Фролов

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ — ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Активная дискуссия о сокращении (или полном прекращении) раскопок известных памятников ведется (то вспыхивая, то угасая) в археологической науке уже более 20 лет.

Действительно, ежегодно сотни археологических экспедиций и отрядов путем раскопок «уничтожают» множество разноплановых археологических объектов. При этом колоссальный объем новостроечных работ, вынуждающий археологов по полгода проводить «в поле», не позволяет зачастую должным образом и своевременно обработать полученные за годы раскопок материалы. В полном объеме ввести их в научный оборот.

Как известно, практическая — «полевая» работа археологов, в том числе и в Калужской области, строится по двум основным направлениям: 1) археологическая разведка — поиски новых памятников, их внешнее описание, атрибуция, датирование, фотофиксация, картографирование и т. д. и 2) производство научных раскопок с целью детального изучения культурного слоя и содержащихся в нем артефактов — основного источника археологической науки (например, раскопки городищ у д. Маламахово Боровского района, в д. Серенск Мещовского района, курганного могильника близ д. Прудки Кировского района и др.). Каждое из этих направлений имеет свои методики, свою специфику исследований. Не останавливаясь подробно на втором пункте, отмечу, что, на мой взгляд, полное прекращение археологического изучения памятников раскопками не только не возможно, но и абсурдно! Это означало бы добровольное холощение и самой науки археологии, и отказ от стремления к объективному историческому знанию. Причем, необходимо выделить отдельным вопросом продолжение практики активного изучения культурного слоя городов — Козельска, Тарусы, Боровска, самой Калуги.

Несомненно, однако, что на данном этапе на первый план должны выходить методы исследования, базирующиеся на археологической разведке.

Как показали масштабные работы последних лет, практически на всей территории области проводимые Институтом археологии

РАН и Калужским областным краеведческим музеем (А. С. Фролов, А. С. Смирнов, О. Л. Прошкин и др.), узкое понимание «археологической разведки», лишь как выявление ранее неизвестных памятников, объективно не отражает тех научных реалий, которые дает нам этот метод.

Не думаю, что будет преувеличением сказать: целенаправленные разведки по составлению Свода памятников истории и культуры и по объектам новостроек позволили археологам во многом по-новому взглянуть на поиски памятников, как на своеобразный метод исторических реконструкций и обобщений. И, хотя такой подход к разведке давний (можно вспомнить работы А. А. Спицына, О. Н. Бадера, К. Я. Виноградова и др. ученых), в настоящее время он получает совершенно новый акцент.

Во-первых, изучение микрорегионов (например, Калужско-Алексинский каньон, бассейн Верхней Протвы, Мещовское ополье и др.). Это задача первостепенной важности, выводящая нас на предварительное решение целого ряда вопросов: палеоэкологии, реконструкции исторических ландшафтов, антропогенного воздействия на ограниченную территорию, смену на ней культурных и хозяйственных традиций и их взаимовлияние, взаимопроникновение, совершенствование хронологической шкалы и проч.

Во-вторых, составление обобщающих территориальных сводок, создание банка данных, картографирование, проверка данных о случайных находках и местонахождениях единичных предметов и т. д. (например, археологические карты Боровского и Малоярославецкого районов, составленные О. Л. Прошкиным, свод городищ Калужской области, составленный О. Л. Прошкиным, А. С. Фроловым и Т. М. Хохловой). Решение этих задач позволяет намечать перспективные пути дальнейших фундаментальных археологических исследований (и раскопок в т. ч.), а также конкретных частных вопросов (в т. ч. и раскопок).

В-третьих, обобщение накопленных в результате раскопок предыдущих лет материалов, теоретические построения дадут «обратную связь» — конкретизацию дальнейшего направления поисков.

В-четвертых, интенсивные комплексные разведки «сплошными площадями» (с привлечением аэрометода, космической съемки, методов естественных дисциплин) не только увеличивают источниковедческую базу науки, но и непосредственно служат делу охраны и пропаганды археологических памятников. Последнее приобретает особую значимость при перспективе все возрастающей собственности на землю, увеличению объемов природопользовательных (строительных, дорожных, сельскохозяйственных и др.) работ.

Это первоочередные цели и основные проблемы археологических исследований на ближайшее время в Калужской области.

При этом, наверняка, в результате разведок будут открываться новые памятники, необходимость в оперативном исследовании которых раскопками очевидна. В этот ряд могут войти объекты, которые могут по-новому осветить какие-либо устоявшиеся в науке представления. Естественна и необходимость спасательных раскопок разрушающихся памятников — новостроечных работ (например, городищ в с. Воротынк Перемышльского района, в д. Подборки Козельского района, селищ в п. Росва пригородной зоны г. Калуги, стоянки у д. Почево Тарусского района и многих других). Хотя здесь необходим серьезный дифференцированный подход.

МЕЗОЛИТ КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛИ

Первые мезолитические памятники на территории верхнего Поочья, куда входит калужская земля, были открыты еще в конце XIX века, наибольшую известность среди них приобрела стоянка Гремячее. Позднее число выявленных памятников медленно, но неуклонно возрастало, хотя число стационарно исследованных памятников по-прежнему невелико. Всего к настоящему времени на территории области известно свыше 30 стоянок эпохи мезолита, причем около десятка из них раскопаны.

В культурном отношении выявленные памятники неоднородны. Здесь представлены материалы рессетинской, иеневской и бутовской культур, а также памятники, материалы которых являются пока уникальными и не могут быть отнесены ни к одной из них.

Рессетинская культура выделена автором в 1983 г. Эпонимная стоянка — Рессета 3 расположена в Хвастовичском районе Калужской области.

Топография памятников сходная, все они занимают краевые участки речных и озерных террас, часто в местах озеровидных пойменных расширений и приурочены к зандровым равнинам платформенных поднятий. Стратиграфически культурные слои рессетинских памятников залегают во флювиогляциальных или в рыхлых террасовых отложениях.

Для рессетинской культуры характерно: 1) сочетание пластинчатой и отщеповой, микролитической и макролитической индустрий; 2) широкое применение микрорезцовой техники, использование затупливающей ретуши и двусторонней обработки; 3) сочетание микролитических изделий с бифасами и скреблами; 4) присутствие специфических форм охотничьего вооружения; 5) слабое развитие вкладышевых форм, отсутствие геометрических типов изделий; 6) своеобразным признаком служит также использование бифасов в качестве заготовок для ретушных резцов.

Хронологически рессетинская культура относится к финалу палеолита — раннему мезолиту. Типология каменного инвентаря позволяет говорить о рессетинской культуре как об одной из наиболее ранних в мезолите Волго-Окского бассейна.

Бутовская культура была выделена в 1976 г. Л. В. Кольцовым и отнесена им к кругу памятников свидерской традиции. В развитии бутовской культуры он выделяет четыре этапа, а хронологические рамки определяет от середины VIII до начала V тыс. до н. э. Источниковедческий анализ показывает, однако, что объединение памятников в бутовскую культуру было проведено

не по типологической близости инвентаря памятников, а лишь по степени пластинчатости комплексов, которая, кстати, чрезвычайно варьирует, и на основе преимущественно мелких или сортированных коллекций. Именно поэтому в бутовской культуре не оказалось ни одного общего типа изделий, который бы присутствовал на всех без исключения памятниках, даже таких массовых, как концевые скребки или резцы на сломе заготовки. Нам представляется, что стандартный типологический набор бутовской культуры включает: скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые; резцы на сломе заготовки, ножи с приостряющей краевой ретушью, вкладыши из фрагментированных пластин, косые остря, сверла с невыделенным рабочим концом, скобели с мелкими дугообразными выемками, постсвидерские наконечники стрел иволистной и черешковой формы, микролиты с затупленным ретушью краем, изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные остря, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограничено. Прочие типы орудий, которые могут встречаться на тех или иных памятниках этой культуры, как правило, единичны и в целом не влияют на ее облик.

Названный набор является поселенческим. В отличие от него, функционально-специализированные памятники типа охотничьих лагерей обладают измененным типологическим составом, специфика которого заключается в малочисленности и своеобразии орудий для обработки продуктов охоты при наличии традиционных для культуры предметов охотничьего вооружения.

Иеневская культура была выделена Л. В. Кольцовым в 1977 г. по материалам стоянок Верхнего Поволжья. Позднее к ней были отнесены и окские памятники. К настоящему времени их насчитывается уже не менее сотни. В отличие от четырехчленной периодизации Л. В. Кольцова нам представляется, что в развитии иеневской культуры можно выделить всего три этапа. К первому из них могут быть отнесены два памятника, на которых нет трапеций — это Высокино 6 и Староконстантиновская 4. Основу их охотничьего вооружения составляют постаренбургские черешковые и с боковой выемкой наконечники стрел. Наличие во всех остальных представительных комплексных трапеций не дает основания для их отнесения к раннему этапу. Памятники с трапециями, в свою очередь, могут либо иметь постаренбургские наконечники с боковой выемкой и черешковые, либо не иметь их. Учитывая, что прототипами этих изделий (по Л. Л. Зализняку) являются аренбургские формы, логично расценивать

утрату названных предметов в охотничьем наборе поздним признаком и объяснять их исчезновение хронологическими причинами. Таким образом, памятники, в которых еще сохраняются постаренбургские наконечники стрел, но уже широко представлены трапеции образуют ее средний этап.

Представительных памятников без асимметричных и черешковых постаренбургских наконечников также всего два — Иенево 2 и Коприно. Они могут быть отнесены к позднему этапу иеневской культуры. Установленная закономерность имеет параллель в стоянках Подесенья.

В развитии иеневской культуры может быть выделено три этапа. Для раннего этапа характерны постаренбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренбургских форм. По мере омоложения возраста памятников асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в т. н. алтыновские вкладыши.

На заключительном третьем этапе исчезают алтыновские вкладыши, не известны черешковые и асимметричные постаренбургские наконечники, косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции.

Памятники иеневской культуры, известные на территории области, относятся к развитому и позднему ее этапам.

Изучение памятников типа Красной 1 — «Васи» и Красной 8 — «Пенешек» только начато в последние годы и вопросы, связанные с их культурной принадлежностью, генезисом, хронологией и т. д. далеки от своего разрешения.

Исследование мезолитических памятников калужской земли позволяет внести существенный вклад в конкретизацию представлений о волго-окском мезолите и требует своего продолжения.

М. Р. Зотько

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ НУКЛЕУСОВ

Коллекции с мезолитических и неолитических стоянок из регионов, хорошо обеспеченных сырьем, часто содержат большое количество нуклеусов. При их обработке выявляется, как правило, значительное число многоплощадочных ядрищ, обычно суммарно относимых к категории аморфных. Применяемая нами система описания нуклеусов по характерным приемам расщепления, когда, в основном, учитывается количество фасов нуклеусов и их взаимное расположение, позволяет классифицировать нуклеусы более четко.

Многофасовый нуклеус имеет несколько фасовых (рабочих) поверхностей, находящихся, как правило, в различных (иногда параллельных) плоскостях. Фасовая (рабочая) поверхность определяется наличием ударной площадки, ее рабочей кромкой, перпендикулярно которой направлены векторы ударов (сколов), образовавших фасовую поверхность. При этом число сколов, определяющих фасовую поверхность, должно быть серийным, т. е. не менее двух. С одной площадки, но с ее разных рабочих кромок могут быть сформированы несколько различных фасовых плоскостей, определяемых различными направлениями скалывания.

При формировании конических (подконических) и цилиндрических (подпризматических) нуклеусов направление скалывания ориентировано вдоль оси поворота самого нуклеуса, используется одна ударная площадка и одна рабочая кромка, зачастую непрерывная. Сам нуклеус в этом случае является однофасовым с широким (непрерывным) фронтом скалывания, замкнутым или незамкнутым. Подобное скалывание, но без вращения, образует и однофасовые торцевые одноплощадочные нуклеусы с широким или узким фронтом. При возникновении второго фаса в результате использования второй площадки происходит поворот нуклеуса вокруг оси, перпендикулярной (условно) направлению первоначального скалывания. Образование последующих фасов также будет связано с вращением нуклеуса. Таким образом, для многофасовых нуклеусов необходимо указывать, образованы ли их фасовые плоскости при вращении вокруг одной оси, перпендикулярной направлению скалывания, или же он «кувыркался» хаотически. При этом в первом случае получают многофасовые торцевые нуклеусы с широким или узким фронтом, а во втором — многофасовые аморфные нуклеусы. Скалывание с самостоятельных площадок с образованием фасов, лежащих в одной плоскости,

может привести к образованию многофасового одно (двух-, много-) площадочного моно- или многофронтального нуклеуса.

Несколько обособленно стоят дисковидные нуклеусы, у которых сколы, формирующие фас, изначально направлены под острым углом (а иногда перпендикулярно) к оси вращения самого нуклеуса. Но и в этом случае для получения нового типа нуклеуса потребуются изменить его положение относительно оси, перпендикулярной (условно) к плоскости первоначального (предыдущего) скалывания.

В связи с вышесказанным можно считать, что возникновение нового типа нуклеуса обусловлено прежде всего поворотом нуклеуса относительно оси, перпендикулярной направлению первоначального скалывания, и образованием следующей площадки. Форма заготовки при этом не играет принципиальной роли и формируется самой системой скалывания. Образование же низших уровней классификации связано со способом оформления площадки, а также дополнительными техническими приемами, оформляющими нуклеус.

А. Е. Ефимов

СТОЯНКА НАГОРНОЕ 1

Археологическое изучение бассейна р. Болвы представляет особый интерес, поскольку данный регион является частью Деснинского полесья и располагается на водоразделе бассейнов Волги и Днепра. Однако, древнейшее прошлое региона изучено явно недостаточно. Представляется возможным уделить внимание рассмотрению пока единственного на территории Кировского района Калужской области памятника эпохи неолита Нагорное 1.

Памятник был обнаружен в результате разведочных работ, предпринятых Окско-Деснинской экспедицией КОКМ под руководством Б. В. Грудинкина в 1991 г., а в 1992 г. на памятнике был заложен рекогносцировочный раскоп (16 кв. м) и собран подъемный материал. Памятник находится на мысу первой надпойменной террасы (высота 5—7 м), образованной течением рек Болвы и Ужати в 2,5 км к югу от д. Нагорное.

Кремневый инвентарь, полученный из раскопа, представлен 595 предметами. Сырьем служили кремни из моренных отложений, преимущественно черного и серого цвета, и окремнившийся известняк серого цвета (22 % всех предметов), однако орудий из последнего не обнаружено. Преобладает отжимная техника обработки.

Около 19 % инвентаря представлено пластинами и сечениями пластин. Среди изделий со вторичной обработкой доля пластин — 38 %. Большинство пластин хорошо ограненные, около четверти ребристые. Найдено 2 одноплощадочных подпризматических, 5 подконических и один карандашевидный нуклеусов.

Среди изделий со вторичной обработкой (50 процентов) преобладают скребки (16), преимущественно подокруглые, на отщепках. Характерны комбинированные орудия, в частности, подокруглые ножи-скребки. Скобели в основном одновыемчатые, на отщепках, хотя в качестве заготовки служили и пластины. Ретушь только по рабочей части. Заготовкой для ножей (3) служили как отщепы, так и пластины. Резцы — однофасеточные угловые и на естественном окончании заготовки. Найдено 3 наконечника: типичный для иеневской культуры, черешковый наконечник стрелы, подромбический с уплощающей ретушью по всей поверхности и зубчато-выемчатой по краю; наконечник стрелы на пластине, обработанный только по краю зубчато-выемчатой ретушью.

Помимо этого найдены перфоратор на отщепе, обломок рубящего орудия из кремня, известняковое подшлифованное тесло. Характер ретуши на ряде пластин свидетельствует об использо-

вании их в качестве вкладышей. Несколько пластин имеют выемки у основания.

Керамический комплекс памятника содержит фрагменты сосудов эпохи неолита (6) и РЖВ (27). Среди неолитической керамики преобладают фрагменты с лапчатым и круглоямочным орнаментом. Цвет теста коричневый или ярко-оранжевый. Основные примеси — песок и дресва. Толщина 5—7 мм. Орнаментальная ямка неглубокая, лапчатый штамп имеет четкие очертания. Встречено два вида ромбоямочной керамики. Первый характеризуется наличием в качестве примесей крупной дресвы, равномерным нанесением ромбических вдавлений в шахматном порядке. Сама ямка немного вытянута по вертикали (размер 11 на 4 мм), с четким верхним абрисом вдавления. Для второго вида характерно более рыхлое тесто, примеси песка и органики. Ромбические ямки аморфные, с круглым дном. Толщина керамики в обоих случаях примерно одинаковая — 7—8 мм.

Керамика РЖВ имеет преимущественно рыхлое тесто коричневого или темно-серого цвета. Основные примеси — органика и дресва, толщина от 6 до 12 мм. Орнамент гребенчатый или нанесенный прямоугольным штампом. Венчик приостренный, иногда немного отогнутый вовнутрь. Датируется условно сер. 1 тыс. н. э.

Ранние слои памятника, исходя из анализа материала и техники обработки, можно отнести к древностям Иенево и Песочного Рва, а неолитический материал к деснинской археологической культуре.

Б. В. Грудинкин

ГЕОМОРФОЛОГИЯ КАЛУЖСКО-АЛЕКСИНСКОГО КАНЬОНА И ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

В Верхнеокском бассейне участок долины р. Оки от Калуги до Алексина представляет значительный интерес как в геологическом, так и в археологическом плане. Особенность этой части долины Оки, получившей название каньона, была впервые отмечена геологами. Такие известные геологи, как А. О. Струве и Н. Н. Боголюбов, отмечали «малую ширину долины на этом участке по сравнению с выше и ниже расположенными». Считали, что этот отрезок долины довольно молодой по сравнению с другими частями Оки. Особенно последовательно и полно это излагалось в трудах М. С. Швецова. Рядом сторонников концепций М. С. Швецова даже не отмечалось наличие террас. В то же время ряд геологов не соглашался с мнением М. С. Швецова. М. А. Гаррис, Н. И. Кригер, В. С. Лебедев на основании своих исследований пришли к заключению, что Калужско-Алексинский каньон имеет такой же возраст, как и остальные участки долины Оки. По их мнению существуют четыре отчетливо выраженные террасы и еще две перекрытые моренными отложениями. Первые четыре террасы образовались после отхода ледника, две последние сформировались до наступления ледника. Узкая долина образовалась в результате последующего размыва крепких известняков каменно-угольного возраста. Узость долины способствовала сильному размыву террас и на некоторых участках почти полному их уничтожению. Археологические памятники привязаны к той или иной террасе.

Первое упоминание об археологических памятниках Калужско-Алексинского каньона находим в трудах академика В. Ф. Зуева в 1781 г. Им было составлено описание городища в устье р. Калужки — левого притока р. Оки. В дальнейшем в конце XIX в. первые раскопки и систематизацию памятников археологии провел председатель КУАК И. Д. Четыркин. Он же впервые выделил специфический вид археологического памятника — кремнеобработывающую мастерскую. Ряд памятников был обследован Ю. Г. Гендуне. Сборами керамики и орудий на разрушаемой стоянке неолита близ д. Воронино занимался калужский краевед В. В. Асонов. Его попытка произвести раскопки стоянки не дала значительных результатов, а материал был утерян. Памятники, относимые ко времени Древней Руси в 50-е гг. нашего века, обследовались калужским краеведом Н. М. Масловым и московским археологом М. В. Фехнер. С. И. Успенским изучалась сто-

янка близ д. Турынинские Дворики. С началом работ по составлению «Свода памятников» обследованием памятников каньона занимались калужские краеведы В. П. Есипов и Е. А. Сокирко. Впоследствии длительное время работу по «Своду» возглавлял И. К. Фролов, открывший ряд памятников в каньоне. После его смерти дальнейшую работу продолжил А. С. Фролов. Отдельные памятники раскапывались А. Н. Сорокиным, А. С. Фроловым. С середины 80-х гг. комплексным изучением памятников каньона занимается Б. В. Грудинкин. Несколько памятников открыто О. Л. Прошкиным. Кроме этого в Калужском краеведческом музее и Алексинском краеведческом музее хранятся сборы орудий и фрагментов керамики с ряда памятников, открытых местными краеведами.

За последние годы было открыто несколько десятков новых памятников, относимых к различным эпохам. Первый уступ — высокой поймы — не имеет на себе никаких памятников археологии. Но к нему примыкают песчано-гравийные и гравийные мысы, занятые стоянками эпохи неолита. В каньоне эти стоянки были оставлены носителями белевской культуры. Белевцы изготавливали орудия труда из крупных массивных отщепов и пластин неправильной формы, технику шлифовки применяли редко, в качестве ножей использовали отщепы без вторичной обработки рабочего края, перфораторы изготавливались в основном на отщепках. В первичной и вторичной обработке использовалась техника скола и в меньшей степени техника отжима, причем техника отжима применялась лишь для вторичной обработки. Для изготовления орудий использовался цветной валунный кремль из черных, серых, темно-коричневых расцветок из отложений известняка. Вероятно, добыча шла близ мест проживания. В орнаментации керамики преобладают ромбы и ямки различной формы, гребенками чаще всего украшены венчики. Подобное расположение и описанный материал имеют стоянки: Ромодановские Дворики, Калуга, Некрасово — 1, Пучково, Турынинские Дворики — 2, Никольское — 1, 2, Ахлебинино — 2, Парашенки — 2, Новолоки, Караваенки, Усадье, Михайловка, Пески, Воронино — 1, Висляево, Кашурки, Борщевка, Огарково, Коврово — 1, 2, Дугна, Троицкое — 1, 2, Красное — 1, 2, Коровино, Картавцево, Щукино, Колюпановка, Колосово. Одна из стоянок белевской культуры располагалась на острове близ д. Криуши. Столь близкое расположение стоянок к воде, видимо, связано с хозяйственной деятельностью человека и низким уровнем воды в реке.

Мысовидные выступы первой надпойменной террасы в устьях небольших притоков Оки занимали стоянки эпохи мезолита, а в позднее время селища р. ж. в., изредка на них встречается керамика более поздних эпох. Мезолит представлен материалами

памятников со смешанной индустрией, но, как правило, с достаточно хорошо развитой техникой пластины. Скрепки на пластинах: концевые, боковые, подокруглые, комбинированные — небольших размеров. Перфораторы на пластинах. Пластины правильной формы и хорошо ограненные. Нуклеусы — конической, подконической, призматической формы, реже аморфные. Резцы нуклевидные и на отщепках. Скобели часто изготовлены на отщепках. Отсутствие геометрических микролитов характерно бытовой культуре, а предметы охотничьего вооружения типичны иеневской культуре. Подобный материал встречен на стоянках: Некрасово — 3, Турынинские Дворики — 1, Ахлебинино — 1, Парашенки — 3, Воронино — 2. Кроме этих памятников, в г. Калуге и близ д. Воронино, первую надпойму и ее понижение занимают кремнеобрабатывающие мастерские. Они служили для первичной оббивки кремня и изготовления различных орудий. Для стоянок этой группы характерно отсутствие примеси материала эпохи неолита. Материал р. ж. в. представлен фрагментами лепной и чернолощеной керамики, фрагментами пряслиц, кусками железного шлака. Керамика характерна для мощинской культуры. Часто первую надпойму занимали и в более позднее время. Материал разных эпох бывает перемешан. Он встречается на селищах: Некрасово, Георгиевское, Ахлебинино — 1, Парашенки — 2, Новолоки, Слободка — 1. Два городища, близ дд. Брагино и Щукино, с материалами р. ж. в. и Древней Руси, также располагались на мысах первой надпоймы.

Одно из городищ расположено на уровне третьей и понижении четвертой террасы близ д. Хутор.

Верхнюю террасу коренного берега занимают стоянки мезолита с материалом, близким иеневской культуре. Орудия изготавливались на отщепках и пластинах. Скрепки, как правило, концевые. Резцы — на пластинах и отщепках. Нуклеусы призматические и подконические. Для изготовления орудий использовался местный разноцветный кремль.

Сходный материал встречен на стоянках: Турынинские Дворики — 3, Никольское — 3, Авчурино — 2, Парашенки — 1, Тимошевка, Семеновка. Памятники других эпох представлены селищами и городищами. На них собран материал древней Руси и р. ж. в., селища с подобным материалом: Пучково, Турынинские Дворики, Никольское — 1, 2, 3, Авчурино, Ахлебинино — 2, Парашенки — 1, Тимашевка, Слободка — 2, Троицкое — 1, 2. Городища: Турынинские Дворики, Никольское, Троицкое — 1, 2.

Время заселения каньона определить в настоящее время не представляется возможным. Но на двух памятниках встречен материал архаичного облика. Это на стоянке — 1 близ Авчурино, занимающей понижение первой надпойменной террасы. И материал кремнеобрабатывающей мастерской на окраине д. Пучково в овраге. Здесь найдены орудия крупных форм, грубо оббитые.

Откуда шло заселение каньона, можно определить приблизительно. На стоянке Некрасово — 3 найден кусок кварцевого песчаника на цементе из гидроокисей железа со следами использования. Подобные минералы встречаются южнее в бассейне притока Оки р. Жиздры. Дальнейшие исследования дадут нам более точную картину расселения.

В. П. Челябин, В. М. Буланкин
ПОЗДНЯКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК
У Д. ЛЕБЯЖИЙ БОР НА Р. МОКШЕ

В 1991 г. экспедицией НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области проведены охранные раскопки курганного могильника у д. Лебяжий Бор Ермишинского района Рязанской области. Могильник находится в 0,7 км к югу от деревни. Располагается на правом берегу р. Мокши недалеко от ее впадения в р. Оку, на правом берегу оз. Марище, входящего в систему старичных озер, образующих р. Саватемку.

Памятник открыт в 1975 г. Н. Л. Дресслер, которая сделала зачистку кладоискательской ямы в кургане 1, обнаружив 2 сосуда поздняковской культуры. В настоящее время этот курган разрушен насыпью дороги.

Могильник насчитывает 35 курганов. Необходимость производства работ была вызвана прокладкой по краю террасы дороги от д. Лебяжий Бор до паромной переправы Ватажка на р. Оке. В результате дорожных работ были разрушены насыпи нескольких курганов.

Раскопано 6 курганов. Курганы имели следующие размеры: курган 2 — насыпь 12×13 м, высота 1 м; курган 3 — размер насыпи 18×15 м, высота 1,6 м; курган 4 — насыпь 9×11 м, высота 0,5 м; курган 5 — насыпь 10×9 м, высота 0,4 м; курган 6 — насыпь разрушена, ее примерные размеры 6×6 м; курган 7 — насыпь разрушена, примерный размер насыпи 6×6 м. В насыпях встречена керамика эпохи бронзы, неолита, древнемордовская, кремневые отщепы, углистые и зольные пятна. В ряде курганов встречены ровики и ямы, наполненные углем и золой, что говорит о большом значении огня в погребальном обряде поздняковцев.

К сожалению, как и в большинстве поздняковских погребальных памятников, костяки не сохранились, поэтому о положении погребенных говорить затруднительно.

В кургане 2 под центром насыпи найдена могильная яма, ориентированная по линии С—Ю, размером 2,5×1,5 м и глубиной 0,4 м. В южной части могильной ямы стоял острореберный сосуд, украшенный орнаментом в виде ромбов и ломаных линий, выполненных нарезкой. В юго-западном секторе кургана обнаружена яма, в которой встречено большое количество угля и золы. Возможно, что здесь горел ритуальный костер.

Особый интерес представляет погребение 1 кургана 3. Могильная яма размером 1,5×0,8 м и глубиной 0,3 м была ориентирована по линии С—Ю. В центре погребения найдено бронзовое височное кольцо в полтора оборота, украшенное шишеч-

ками и обложенное золотой фольгой. Височное кольцо имеет аналогии в Борисоглебском могильнике поздняяковской культуры.

Погребальный инвентарь других могил в курганах беден. Он ограничивался наличием глиняных сосудов острореберной и бабочной форм. Встречены миниатюрные сосудики. Орнамент выполнен нарезкой, зубчатым штампом, веревкой. Керамика могильника аналогична посуде наиболее ранних памятников поздняяковской культуры. Посуда из курганов также близка керамике донской лесостепной срубной культуры, что является веским аргументом в пользу мнения о генетических связях поздняяковцев и срубников.

Облик керамики, ее орнаментация, ориентировка могильных ям, бронзовое височное кольцо в полтора оборота позволяют предварительно датировать раскопанные курганы третьей четвертью II тыс. до н. э.

Г. А. Массалитина

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ ГОРОДИЩА СЕРЕНСК

Городище Серенск расположено на р. Серене (бассейн Угры), в Мещовском районе Калужской области. Многолетними работами на памятнике накоплен огромный материал, но публикации в литературе охватывают лишь ту его часть, которая связана с функционированием городища в древнерусский период. О начальном же периоде существования городища, когда его населяли племена мощинской культуры, известно очень мало. В литературе были опубликованы лишь несколько находок из нижнего слоя поселения, и есть краткие сведения о постройках этого времени.

В то же время имеется материал, позволяющий значительно полнее осветить жизнь поселения в первой половине I тыс. н. э.

Городище занимает мыс, образованный правым высоким коренным берегом реки и оврагом, по дну которого протекает ручей. Состоит из двух частей: мысовой (детинец), имеющей треугольную форму, и посада, расположенного за валом мысовой части, который имеет прямоугольную форму и в свою очередь также окружен со всех сторон валами.

Горизонт культурного слоя, оставленный мощинским населением, обнаружен на обеих частях поселения. Его мощность неодинакова даже в пределах одной части: на территории детинца она варьирует от 0,20 м до 2,0 м (в месте, где находился древний ров); на посаде стратиграфически этот горизонт не выделяется и его присутствие определяется лишь находками этого времени.

Система фортификационных сооружений на многослойных городищах верхней Оки не оставалась неизменной и с течением времени претерпевала изменения, направленные на расширение площадки поселений и укрепление обороноспособности. Работы, в результате которых была вскрыта вся площадка детинца, показали, что первоначально и в Серенске система обороны городища имела иной вид, нежели в настоящее время. Так, внутри территории, окруженной современным валом детинца, были обнаружены древний вал и ров. Ров располагался параллельно современному валу. В его заполнении найдено множество керамики и металлических изделий мощинского периода. Насыпь древнего вала помещалась в пространстве между современным валом и вскрытым внутренним рвом. Она имела высоту 2,20 — 2,50 м от уровня дна этого рва и покоилась на желтом материковом песке.

На поселении выявлено два типа построек — столбовых наземных и столбовых, котлован которых углублен в материк. К сожалению, постройки мощинского времени сильно разрушены в древнерусское время.

Ряд металлических изделий (окские фибулы с кнопкой на ножке, двучленные подвязные фибулы, пронизка из синего египетского фаянса) позволяют составить представление о времени отложения нижнего слоя на поселении. В широких пределах он может быть датирован III—V вв.

Керамический материал Серенска заслуживает особого разговора и дополнительных исследований, поскольку в последнее время неожиданно обнаружилась значительная часть коллекции, прежде считавшаяся утраченной.

Вся собранная лепная керамика по способу обработки поверхности делится на керамику с грубой и лощеной поверхностью. Лощеная посуда представлена мисками и горшками. Среди мисок преобладают ребристые. Формы лощеных горшков однотипны с нелощеными.

Керамика с грубой поверхностью представлена только горшками. Даже беглое знакомство позволяет выделить внутри этой группы два типа: 1) Несмотря на различия в пропорциях верхней части сосудов, этот тип характеризуется отогнутым наружу венчиком и плавным переходом от венчика к тулову. Сосуды этого типа нередко орнаментированы: чаще всего отпечатками ногтя, пальца, тупой или острой палочки под венчиком и по верхней части тулова; реже разного рода штампами. Орнамент располагается либо поясками, либо имеет вид различных композиций. Этот тип посуды отличается и очень характерным оформлением венчика: он, как правило, утолщен, самый его край как бы расплюснут и почти всегда орнаментирован.

2) Керамика этого типа отличается очень специфической формой: очень высокий прямой венчик и резкий переход от венчика к тулову, осуществляемый, как правило, через уступ, иногда едва заметный, вся посуда этого типа лишена орнамента. Характерное оформление венчика: его край очень аккуратно обрезан и не имеет утолщений. Этот тип посуды признается специфичным для племен мощинской культуры.

В целом комплекс керамики городища выглядит более однородным, чем комплекс Мощинского городища. При этом все формы посуды, выявленные в Серенске, есть и в Мощинах.

Собрана значительная коллекция миниатюрных сосудов как с грубой, так и с лощеной поверхностью.

Другим видом изделий из глины, во множестве обнаруженным в Серенске, являются лощеные битрапцевидные пряслица.

Рассмотренные материалы нижнего слоя городища Серенска позволяют избавиться от одностороннего представления о городище как только о крупном поселении вятичей. Они достаточно полно характеризуют его жизнь в предшествующий период.

О. Л. Прошкин

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЛОЙ МОЩИНСКОГО ГОРОДИЩА

Городище расположено в 1 км к западу от с. Мощины Мосальского района Калужской области. Находится на правом берегу р. Пополты. Площадка подтреугольной формы имеет следующие размеры: по оси северо-восток — юго-запад — около 80 м, по оси северо-запад — юго-восток — около 50 м. Превышение над урезом воды в реке — до 18 м. С напольной стороны площадки сохранился земляной вал высотой до 2,5 м и ров глубиной до 1,5 м.

Памятник датируется 2-й четв. — сер. 1 тыс. и древнерусским временем. Исследовался в 1898 г. Н. И. Булычевым, в 1955 г. Т. Н. Никольской, а с 1974 г. по 1980 г. почти полностью раскопан И. К. Фроловым.

В результате раскопок на городище вскрыто более 800 кв. м культурного слоя мощностью до 2,7 м. И. К. Фролов условно выделял 2 хронологических горизонта — нижний (мощинская культура) и верхний (Древняя Русь). Толщина последнего составляла 0,3—1,1 м. Однако на большей части раскопанной площади четкого членения на указанные горизонты не наблюдалось и культурный слой был перемешан. Как в самом слое, так и в материке были обнаружены остатки многочисленных сооружений, часть которых исследователь отнес к древнерусскому периоду, что является весьма спорным и требует более тщательного анализа.

Большой интерес представляет коллекция древнерусских находок из раскопок Мощинского городища, которую можно разделить на 4 категории предметов.

1. Украшения.

Сюда входят: 5-лопастное бронзовое височное кольцо, близкое типу «Сельцо» (кон. X—XI вв.); шаровидный бронзовый бубенчик с линейной прорезью и рельефным пояском (XI—XIII вв.); фрагмент бронзового пластинчатого фигурноконечного браслета и многое другое (различных типов перстни, фибулы, пряжки, пронизки, бусы).

2. Бытовые предметы.

К данной категории относятся: железные ключи от навесных замков типа А по Б. А. Колчину (XI—XIII вв.); железные ножи (XI—XIV вв.); железный скобель, а также кресала, пряслица, топоры и другие предметы.

3. Оружие.

Представлено находками железных черешковых наконечников стрел типа срезня, ромбовидных, треугольных 2-шипных, ланцетовидных и других (IX—XIII вв.); железных втульчатых наконечников копий — с пером удлиненно-треугольной формы, ромбовидного и других (IX—XIV вв.); железным наконечником сулицы (?) (XII—XIII вв.) и другими предметами.

4. Керамика.

Включает фрагменты гончарной посуды с волнистым, линейным и комбинированным орнаментами эпохи Древней Руси. На одном из них оригинальный ромбовидный орнамент. На обломках донцев есть клейма с изображением ключа и неопределенных фигур.

Данные находки позволяют датировать древнерусский этап существования городища в пределах XII — 1-й пол. XIII вв. и считать его остатками одного из многочисленных сельских укрепленных поселений в бассейне Верхней Оки.

Р. А. Нигматуллин, М. Е. Смирнова, Т. М. Хохлова

СТОЯНКА И СЕЛИЩЕ ДЕШЕВКИ 1

Стоянка, селище Дешевки 1 (Козельский район Калужской области) открыты А. С. Смирновым в 1987 году.

Стоянка, селище Дешевки 1 находится на останце в пойме правого берега р. Жиздра, в 1 км к востоку от одноименной деревни, расположенной на левом берегу. Останец несколько вытянутый вдоль реки, ориентирован по оси СВ—ЮЗ и имеет протяженность в этом направлении 150 м при максимальной ширине до 70 м. Наивысшая отметка на останце +2,5 м над уровнем реки. Селище занимает северную часть останца. (Рис. 1).

Площадь раскопа составила 112 кв. м. Общая глубина культурного слоя на площади раскопа колеблется от 0,4 до 1 м. Под тонким слоем дерна (0,08—0,12 м) по всему раскопу залегал пласт темно-серой супеси с вкраплениями пещины, глины и материкового песка мощностью от 0,35 до 0,5 метра; далее, также по всему раскопу, залегал пласт светло-серого песка мощностью до 0,5 метра. Подстилающий материк состоял из речного белого песка.

На площади раскопа зафиксировано 88, в основном, столбовых ямок и ям различного назначения.

В заполнении слоя найдено небольшое количество фрагментов белоглиняных горшков XII—XIII вв. Чаще всего по плечу они украшены гребенчатым линейным орнаментом. Фрагменты горшков темно-коричневой глины этого времени украшены гребенчатым линейным и волнистым орнаментом или однорядной волной, реже только гребенчатым волнистым. XII—XIV вв. можно датировать фрагменты донцев белоглиняных сосудов с клеймами в виде концентрических кругов или одного круга с точкой в центре, по одному фрагменту встречены клейма в виде трезубца, двух квадратов, вписанных друг в друга, S-видное. Керамика этого времени чаще украшена гребенчатым ямочным и линейным орнаментом, зонным гребенчатым — волнистым, реже — гребенчатым линейным, однорядной волной. Встречаются неорнаментированные фрагменты. (Рис. 2).

Основное количество керамики датируется XIV—XVI вв. Фрагменты венчиков этого времени украшены однорядной волной, линейным орнаментом, волнистым, ямочным. Встречаются фрагменты без орнамента. В слое найдены ручки коричневоглиняного сосуда XII—XIV вв., и мореных второй половины XVII—XVIII вв. Керамика XVIII—XIX вв. представлена несколькими фрагментами венчиков светло-серо-коричневой глины с желто-зеленоватой

поливой и фрагментами венчиков мореных сосудов с вертикальными лощеными полосами.

Материалы, найденные на селище Дешевки 1, свидетельствуют о существовании двух этапов функционирования памятника. Первый из них относится к эпохе камня. Это была небольшая сезонная стоянка с коротким периодом существования. В связи с малочисленностью кремневых орудий, культурную принадлежность их определить не представляется возможным.

Второй этап начинается в XII веке и продолжается вплоть до XIX в. Однако вряд ли стоит говорить о его непрерывности. Скорее всего, на этом месте было небольшое поселение, которое существовало дискретно в течение достаточно длительного времени. Немногочисленные индивидуальные находки этого периода (железные ножи, гвозди, шпора, обломки бронзовых височных колец, нательные крестики (рис. 3) не дают возможности определить хозяйственную функцию поселения.

Е. А. Шинаков, Т. Л. Сарычева

КРИВИЧСКО-ВЯТИЧСКО-РАДИМИЧСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

1. Границы трех племенных объединений, позднее этнокультурных групп восточного славянства — кривичей, вятичей и радимичей стыкуются на границах Брянской, Калужской и Смоленской областей в пределах пяти физико-географических районов или их частей. Полностью в пограничную зону всех трех племенных объединений входит Брянское ополье и Жиздринский аллювиально-зандровый район.

Верхнедеснинско-Рославльский район находится на стыке только радимичей и кривичей, северная часть Придеснинской аллювиально-зандровой равнины — кривичей и вятичей, южная — вятичей и северян.

Один из отрогов западного склона Средне-Русской возвышенности (район Карачева, частично переходящий в Орловскую область) представляет собой самую юго-западную часть вятичской территории.

2. Наиболее плодородными с современной точки зрения физико-географическими районами являются Брянское ополье и Карачевский отрог лесостепи с их серыми лесными и оподзоленными черноземными почвами. Эти районы подверглись сплошной распашке (исключение составляют поймы, овражно-балочная сеть и территория населенных пунктов), их залесенность в настоящее время составляет лишь —3—5% площади. Наименее плодородными (опять же с современной точки зрения) и наиболее залесенными (до 50—60% территории) представляют собой Жиздринская и Придеснинская равнины, где преобладают ландшафты полесского типа. Промежуточным между этими двумя группами физико-географических районов является Верхнедеснинско-Рославльское предполесье (залесенность — 10—15% площади).

3. По плотности памятников первое место занимает Верхнедеснинско-Рославльское предполесье (1 памятник на 16 кв. км), затем идет Брянское ополье (1 на 43 кв. км), на третьем месте стоят полесье (1 на 98 кв. км на Жиздринской и 1 на 203 кв. км на Придеснинской равнинах) и на 4-м — отрог лесостепи (1 памятник, правда, город на 383 кв. км). В полесьях зафиксированы в основном курганные группы, в предполесье — и курганы, и поселения, в ополье и лесостепи курганы древнерусского времени фактически не известны.

4. Степень исследованности всех пяти физико-географических районов практически одинаковая, что заставляет искать иные факторы, объясняющие ту или иную плотность населения.

На один фактор указывает характер известных памятников:

КУРГАННАЯ ГРУППА У С. ПЕКЛИНО

Курганная группа у с. Пеклино Дубровского района Брянской области является самой северо-восточной на радимичской территории и единственным чисто радимичским памятником в бассейне Верхней Десны.

Расположена она на правом, южном берегу р. Белизна, являющейся естественной границей восточной оконечности Клетянского полесья (части Белорусского полесья) и Верхнедеснинско-Рославльского предполесья, в 8 км от впадения Белизны в Десну.

Исследовалась в 1896 г. П. М. Еременко (6 курганов) и в 1901—1902 гг. С. А. Чуевым (5 насыпей). Группа насчитывала 26 курганов, в начале 1980-х годов — 22 насыпи, из которых в 1991 г. осталось только 2, да и то копаные. Автором проведены исследования одной из них, кроме того, раскопаны 2 наполовину скрытых и засыпанных отвалами кургана и обнаружено основание ровики полностью уничтоженного четвертого кургана.

Раскопками 1991 г. установлено наличие кольцевых прерывистых ровиков вокруг всех насыпей (обычно 4 ровика и 4 перемычки между ними). В ровике кургана 9 (по нумерации плана 1983 г., А. С. Смирнов) в двух круглых ямках обнаружены следы стравы или заупокостной жертвы — кости барана и петуха или гуся (юго-западная часть ровика). В северо-восточной части ровика кургана 8 обнаружены фрагменты красноглиняного раннекругового сосуда рубежа X—XI веков.

В остальном раскопки 1991 года подтвердили и уточнили выводы, которые можно было сделать о погребальном обряде северо-восточной группы радимичей на основании более ранних исследований. Высота единственной сохранившейся насыпи кургана 9 — 180 см при диаметре 12 м, что обычно для древнерусских курганов.

Все реконструируемые погребения совершены на горизонте на зольной подсыпке толщиной 10—23 см (курганы 8 и 9). Диаметр кострища колебался от 680 до 840 см (курган 8). В этом кургане погребенный, положенный в неглубокую (до 20 см?) яму, вырытую в зольной подсыпке, был окружен углисто-золистым кольцом высотой от подсыпки 15—20 см, внешним диаметром 640—800, внутренним — 320—400 см. «Огненное кольцо» («крада») имело два разрыва (входа) — на северо-востоке и юго-западе.

От самих погребений сохранились лишь фрагменты костей, поэтому установить ориентировку костяков оказалось невозможным. Все погребения оказались безинвентарными (не считая

В малораспаханных лесистых полесьях с их задернованными почвами сохранилось гораздо больше курганов, чем в полностью распаханных опольях и лесостепи. С другой стороны, селища древнерусского времени, поиск которых ведется в основном по распахке, проще обнаружить в ополье, чем в полесье. Наличие курганной группы автоматически указывает на существование синхронного селища (или даже нескольких) в ее ближайшей окрестности, обратная же связь не является обязательной (возможно существование рядом с селищем не курганной группы, а бескурганного христианского кладбища).

5. Сравнительно слабая заселенность ополья объясняется господствующей еще в X веке у его потенциальных насельников — кривичей и радимичей подсечно-огневой системы земледелия, для которой серые лесные почвы, не говоря уже о черноземах, мало пригодны. С другой стороны, южных вятичей с их плужной системой не прельщали песчаные равнины Придеснинской низменности на окраине их племенной территории. В результате, освоение Брянского ополья и Карачевской лесостепи началось сравнительно поздно, когда основной славянский переселенческий импульс был уже исчерпан, и связано либо с притоком населения с юга, из плужной зоны Поднепровья, либо с распространением здесь в XII веке нового пахотного орудия — сохи. Наиболее приспособленным ко всем системам земледелия оказалось предполесье, чем частично объясняется и его более высокая заселенность.

6. Анализ погребальных обрядов и инвентаря исследованных курганных групп показывает достаточно плавный переход от одних этноопределяющих признаков к другим в пределах одного и того же пограничного физико-географического района¹. В Верхнедеснинско-Рославльском предполесье преобладают смешанные группы, где имеются и чисто кривичские, и общеславянские языческие, и христианские захоронения, есть одна чисто кривичская группа (Сеща) и одна чисто радимичская (Пеклино). Вятчско-кривичское пограничье проходило через Жиздринскую равнину, которая на Десне в районе Пеклино соприкасалась с окраиной радимичской территории. В этом районе преобладают чисто кривичские курганные группы (Погост, Колчино, Псурь, Чичеринка), есть и смешанные кривичско-вятчские (Войлово, Курганье).

7. Политические факторы оказывали весьма незначительное влияние на плотность населения и его этнокультурный облик в физико-географических районах радимичско-кривичско-вятчского пограничья, по которому проходили сопредельные рубежи Черниговского и Смоленского княжества.

¹ Впрочем, вывод этот достаточно доказателен только для двух из них, т. к. в остальных, материалов для него недостаточно.

керамики и кольцевой железной пряжки (курган 8), однако и это нельзя утверждать категорично — все курганы разграблены. Лишь в засыпке кургана 8 (скорее всего, в «свеженной» со своего места насыпи кургана 10, основание и ровики которого были обнаружены раскопками) встречены фрагменты двускатно-пластинчатой бронзовой гривны с орнаментом «волчий зуб» (треугольник с тремя точками, нанесенный пунсоном).

Учитывая данные о более ранних раскопках и сведения местных жителей о «кладах» (в частности, скорее всего об инвентаре скрытого кургана 10), можно установить, что из пяти женских захоронений (а всего учтен материал 15 курганных комплексов) семилучевые височные кольца содержали 2, из них (1 — раскопки Еременко, 1 (курган 10) — «исследован» грабителями в 80-х годах), височные кольца «деснинского типа» — 1 (раскопки Чуева, 1901 г.), тордированные (ложновитые) гривны с грибовидными (гранчатыми) застежками — 4 (2 — из раскопок Еременко, 2 — Чуева), двускатнопластинчатую гривну — 1 захоронение (курган 10 (?), раскопки 1991 г.). Кроме того, встречены лунницы, бубенчики, крестовидные и круглые прорезные привески, дрововые и витые браслеты.

Следует сказать, что тордированные гривны и дрововые браслеты для радимичей — ранний признак, уходящий корнями в роменскую культуру и роднящий их с северянами и ранними вятичами. Витые браслеты более характерны для вятичей, хотя и не исключительно. С финским влиянием можно связать единственное сидячее захоронение. Группу в целом можно датировать концом X — началом XII в., что подтверждается и подъемным керамическим материалом обнаруженного в 1991 г. к востоку от нее селища, которое переживает ее и существует в XII—XIII вв.

Курганная группа у с. Пеклино безусловно принадлежит радимичам, хотя находится она в 40 км к западу от достоверно радимичских групп бассейна Ипути (Сукромля, Пильня, Христова). Учитывая ее пограничное в этнокультурном (стык границ радимичей, кривичей и более отдаленных вятичей), физико-географическом (Клетнянское, (часть Белорусского) и Жуковское (часть Жиздринского) полесья, Верхнедеснинско-Рославльское предполесье и находящееся всего в 10 км к югу Брянское ополье) и политическом (рубежи Смоленской и Черниговской земель) планах положение, «иноэтнические» (вятичские, финские, русско-христианские) влияния оказали на ее культурный облик минимальное воздействие.

Г. В. Кропачев

НОВОЕ В РАССЕЛЕНИИ ВЯТИЧЕЙ И КРИВИЧЕЙ

(По материалам археологических раскопок курганных могильников № 1, 2 у д. Прудки Кировского района Калужской области)

Западной границей расселения вятичского ареала, по данным археологии, является р. Болва и ее притоки. Это утверждение делалось на основании распространения семилопастных височных колец, которые являются этнической принадлежностью вятичей. Что касается расселения кривичей по соседству, то их памятники вызвали противоположные трактовки у исследователей.

Новый взгляд на эту проблему открывают раскопки курганных могильников № 1, 2 у д. Прудки Кировского района. Они располагаются в 200 м друг от друга и находятся в 1 км к северу, северо-востоку от села на мысу левого берега р. Неручь. Превышение над водой 6—8 м. Памятники впервые были обследованы И. К. Фроловым в 1974 г. Раскопки курганного могильника № 1 проводились КОАЭ под руководством О. Л. Прошкина в 1984 г. Работы на курганном могильнике № 2 ведутся Окско-Деснинской археологической экспедицией под руководством Б. В. Грудинкина с 1991 г.

В курганном могильнике № 1 О. Л. Прошкиным был раскопан разрушавшийся в результате распашки курган № 2. Обнаружены 4 погребения по обряду труположения — 3 в насыпи и одно в грунтовой яме. Последнее содержало богатый погребальный инвентарь: семилопастные височные кольца, браслеты, перстни, бусы, ткань — характерный набор вятичских украшений второй половины XII — нач. XIII вв.

В ходе раскопок курганного могильника № 2 были вскрыты курганы № 3, 4, 6, 7. Памятники № 6, 7 были повреждены грабительскими раскопами. Особенностью всех курганов является значительное количество угля и золы в насыпях. Погребение кургана № 3 находилось в могильной яме. Умерший лежал на животе, у правой ноги был найден глиняный сосуд. Кистей рук обнаружено не было, а на локтевых и лучевых костях хорошо видны следы косого среза. Остатки умерших в курганах № 6, 7 также находились в могильной яме.

Женское погребение кургана № 4 было найдено на выжженной заранее поверхности материка. Умершая покоилась на спине, руки положены в области таза. Погребенная была завернута в кожу или бересту, которая от времени превратилась в тлен черного цвета. После вскрытия погребения выяснилась очень пло-

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИМПОРТА X—XIII вв. В БРЯНСКОМ ПОДЕСЕНЬЕ

Предметы западноевропейского импорта X — 1-й пол. XIII вв., найденные на территории Брянского Подесенья случайно и в ходе стационарных археологических работ, представлены 10 экземплярами.

Древнейшими из них являются 3 монеты — динарии Оттона III (983—1002 гг.), чеканки в Вормее, Генриха III (1039—1056 гг.) чеканки Дуйсбурга, 3-й определить не удалось, обнаруженные во время раскопок Кветунского курганного комплекса в Трубчевском р-не В. А. Падиным. Монеты использовались в качестве привесок, входивших в состав женских ожерелий.

Среди импортных вещей выделяются предметы вооружения.

1. Наконечник копья с пером ланцетовидной формы, выявленный в ходе археологических раскопок Е. А. Шинакова на селище «Борки» Погарского р-на. Он относится к типу 1 по классификации А. Н. Кирпичникова (900—1050 гг.) и представлен в экспозиции Брянского краеведческого музея. Длина 35 см, длина лезвия 21 см, ширина лезвия 2 см, ширина втулки 3,3 см. На лезвии различима грань, сечение ромбическое. Форма наконечника имеет североевропейское (норманнское) происхождение.

Норманнский меч зрелых форм дружинной группы с богатой парадной отделкой, случайно найденный в 1869 г. в р-не с. Любожичи Трубчевского р-на (хранится в Эрмитаже). Известен по литературе как меч из с. Монастырище Юрловской области. Относится к типу Т-1 (X — нач. XI вв.) по классификации А. Н. Кирпичникова. На перекрестии различимы две пары лап, перехваченные лентами. На поверхности рукояти прорезаны углубления для вставки золотых пластинок с напаянными колечками. Сходная отделка имеет место на шведских круглых фибулах. Размеры меча: длина 61 см, длина клинка 47,7 см, длина рукояти 13,3 см, ширина клинка 5,8 см. На клинке надпись NRED — /c/DLIT, (вероятнее всего это девиз «Во имя искупления Господа, креста (Христа) Господа. Троица»). Меч мог принадлежать дружиннику очень высокого ранга. Вопрос о причинах и обстоятельствах его попадания в Любожичи пока открыт. Отметим лишь наличие на северной окраине с. Любожичи городища, которое, судя по имеющемуся в фондах Брянского краеведческого музея подъемному материалу, датируется X — XI вв.

Большая группа предметов западноевропейского импорта была найдена на городище у д. Вщиж Жуковского р-на — центра

хая сохранность костяка (развал черепной коробки, истлевший позвоночник и руки). На умершей у правого и левого виска были найдены пять медных браслетообразных завязанных в сочных колец. На шее располагались около 15 бус различной конфигурации из сердолика, стекла и другого материала. На животе были найдены остатки железной фибулы, а на руках располагались три хорошо сохранившихся медных перстня. У запястья правой руки был найден медный литой, а у левой руки медный плетеный ажурный браслеты. В ногах стоял ритуальный горшок а также остатки от железного предмета, вероятно гвоздя.

Основываясь на погребальной обрядности и инвентаре курганов № 4 раскопанные курганы были оставлены восточнославянским племенем кривичей и датируются XI—XIII вв.

Таким образом, анализируя материалы курганных могильников № 1, 2, впервые в археологии данного региона раскрывается территория совместного проживания двух племен: вятичей и кривичей. Динамику их взаимоотношений помогут воссоздать дальнейшие археологические раскопки.

удельного княжества XII — нач. XIII вв., уничтоженного, вероятно, монголами в 1238 г.

1. Подсвечник с выемчатой эмалью и гравировкой из Лимо (1-я треть XIII в.), найден в 1844 г. при разборке алтарной части церкви (хранится в ГИМ, № 6564). Состоит из 3-гранного основания с растительным орнаментом на фоне темно-голубой эмали цилиндрического ствола, гравированного чешуйчатым орнаментом, сферического яблока по середине и чашки с острым стержнем. Ножки основания в виде стилизованных звериных лап. Цвет эмали — голубой, красный, зеленый, желтый.

2. Там же был найден в 1844 г. бронзовый литой подсвечник, изготовленный в Северной Вестфалии в г. Миндене в кон. XII (ГИМ, № 6563). Высота 27,5 см, расстояние между ножками 21,3 см. Каждое ребро 3-гранного основания образовано туловищем крылатого дракона. Цилиндрический ствол перехвачен двумя сферическими яблоками. Воронковидную чашу для стекания воска поддерживают три стилизованных аспидов.

3. Бронзовый водолей в виде птицы с головой мужчины. Слит в Нижней Саксонии в кон. XII — нач. XIII вв. Найден при раскопках Б. А. Рыбакова в 1945 г. (ГИМ, № 82508). Высота 20 см, длина 16 см. Мужская голова с выпуклыми глазами, ободке, плоским носом, открытым ртом — сливом, прямыми волосами и короткой бородой, сидит на птичьем туловище. На шее, груди и хвосте гравированные ленты, заполненные кружками. Эти же ленты отделяют и крылья.

4. При раскопках под руководством Б. А. Рыбакова был найден в 1949 г. фрагмент бронзовой чаши со стилизованным растительным орнаментом. Согласно типологии Т. Поклевского, чаша включена в подтип IIб (рубеж XII — XIII вв.). Место изготовления — область рек Мааса — Нижнего Рейна. Гравированный узор выполнен грубыми жесткими штрихами и геометрическим орнаментом. В узор вплетены надписи — названия пороков. Сохранилось только слово DO — LUS (лукавство) и несколько отдельных букв.

К сожалению, письменных источников по истории г. Вщиж кон. XII — 1-й пол. XIII вв. не сохранилось, поэтому отдельное исследование требует вопрос о причинах и обстоятельствах падения во Вщиж целого комплекса дорогих импортных вещей. Так, с X в. подобные сосуды входили в состав посольских и свадебных даров, попадали на Русь в виде выкупа, военной добычи. Эти вещи оседали в сокровищницах князей, использовались в быту, попадали (как вщижские подсвечники) в православные церкви и монастыри, где использовались при богослужении и оформлении храмов.

Г. П. Поляков, В. Г. Пуцко

ИЗДЕЛИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКИ XI — XVI вв. В СОБРАНИИ БРЯНСКОГО МУЗЕЯ

Меднолитая медная пластика была довольно широко распространена на территории брянского края в древнерусское время, о чем свидетельствует и состав коллекции Брянского музея. Это, в основном, предметы христианского культа — нагрудные кресты, энколпионы и привески-образки, а также амулет-змеевик.

Ярчайший образец двоеверия — круглый (5,4 см в диаметре) шейный медальон амулет-«змеевик» отлит из светлой бронзы (БОМ, № 10953) (илл. 1). На аверсе изображение архангела Михаила в полный рост с опущенными крыльями и лабаром в правой руке. По сторонам изображения буквы: «МІХЛ». По краю змеевика расположена круговая надпись. На оборотной стороне женская голова с отходящими от нее семью змеиными туловищами, оканчивающимися двойными змеиными головами, повернутыми в одну сторону. Вокруг головы, между туловищами змей, расположена надпись «Ефросин». По краю, также, круговая надпись. Надписи на аверсе и реверсе означают, в переводе с греческого, заклинания против злых сил и болезней. Змеевик найден в г. Карачеве на городище «Татарский вал». Аналогичный змеевик, отлитый в жесткой форме из золотистой бронзы, был найден при раскопках Новгорода в слое XII в., где он датируется 1177 — 1197 гг.

В 1978 г. при раскопках окольного города летописного Дебрянска в раскопе 2А были найдены: литой двусторонний бронзовый крестик и бронзовая литая иконка.

Крестовидная привеска (БОМ, № 6770—1) (илл. 2) представляет собой четырехконечный равноконечный крест с рельефными изображениями на лицевой и оборотной сторонах. Концы его перекладин снабжены тремя выпуклыми дисками, образующими дополнительные крестики, крестообразующим элементом служит и ушко для подвешивания. Дополнительные крестики орнаментированы кружками в центрах дисков. Среднекрестие ромбовидное и имеет узор из пяти концентрических кругов. Размеры креста: длина — 4 см (вместе с ушком для подвешивания), ширина 3,5 см. Такие крестики находили в составе женских языческих ожерелий и использовались в качестве оберегов, а в мужских они лежали на груди погребенного, являясь предметами христианского культа. Эти кресты датируются XI — нач. XII вв. Исследователи-скандинавы считают местом их производства Древнюю Русь.

Двусторонний литой крест (БОМ, № 6770 — 2) (илл. 3), равноконечный с рельефным узором, одинаковым с обеих сторон,

состоящим из пяти выемчатых концентрических кругов — одним в центре и четырьмя на концах перекладин, очень напоминает кресты с эмалью, в частности, крест из Новгорода с трехлопастными концами, который датируется нач. XII в. Размер креста 3,5 × 2,7 см. Описываемый крест после отливки эмалью покрыт не был. На основании сочетания материала из погребальных комплексов Древней Руси, сопровождавшего такие крестики, его можно датировать XI — XII вв. Однако по находкам в городах время их распространения охватывает и XIII в.

Нагрудная иконка (БОМ НВ, 2994) (илл. 4) — образец в форме киотца с прямыми нижними углами, плечиками и с полукруглым завершением и с ушком для шнура, отлита в односторонней форме. На ней невысоким скругленным к фону рельефом выполнено погрудное изображение Христа в большом кресчатом нимбе в образе юного Спаса Еммануила. Размеры иконки 3,5 × 2,5 см. Похожая, но не идентичная, каменная иконка была найдена в 1964 г. при раскопках в Пинске и датируется XII в.

В коллекции музея представлен случайно найденный на археологическом комплексе в д. Вщиж Жуковского р-на оловянный крест-тельник (?) с прямоугольными концами (БОМ, № 388) (илл. 5). Олово использовалось вместо серебра. Из-за сильного окисления атрибутировать его подробно невозможно. Размеры креста 3,5 × 2 см. Подобные кресты, литые из оловянисто-свинцовых сплавов, обнаружены при раскопках Новгорода в слоях от кон. XII до сер. XV вв. Вполне возможно, что это створка от креста-энколпиона. Вщижский крестик можно датировать по культурному слою, верхняя дата которого во Вщиже — монголо-татарское нашествие.

Кресты-энколпионы в собрании древнерусской металлопластики Брянского музея представлены двумя экземплярами. Первый (БОМ, № 11520) (илл. 6) был найден в верхнем горизонте детинца древнего Дебрянска в 1985 г. Он отлит из бронзового сплава и имеет слегка расширяющиеся концы и массивное ушко. Размеры складня — длина 3,3 см (с ушком 4 см), ширина 1,8 см. На обеих сторонах складня инкрустацией серебром нанесены четырехконечные крестики. Близкие, но не идентичные кресты найдены в Новгороде и Ярополче Залесском. Они датируются кон. XII — периодом до 30-х гг. XIII вв.

Створка второго энколпиона (БОМ, № 11573) (илл. 7), обнаружена на городище «Сказов город» у с. Нижнее Стародубского р-на. Нижняя часть створки и элементы крепления утрачены. Размеры сохранившейся части: 2,6 × 1,8 см. Она украшена серебряным четырехконечным крестиком, нанесенным на поверхность методом инкрустации и аналогична описанному ранее энколпиону.

Произведения мелкой металлопластики позднесредневекового времени представлены иконкой и наперсным крестом.

Бронзовый односторонний образец-иконка (БОМ, № 11381) (илл. 8) арочной формы в виде киотца, найден на городище в с. Рябцево Стародубского р-на. Размеры образца 3,5 × 2,3 см. Иконка имеет прямоугольное основание и верх в виде стрельчатой арки, завершающейся ушком для подвешивания. По периметру лицевой стороны расположен тонкий ободок киотца, украшенный круговым орнаментом. На иконке рельефное изображение Св. великомученика Никиты, избивающего беса. Никита изображен безбородым, в короткой одежде, замахнувшимся палкой на беса, которого он держит правой рукой за волосы. Датирующим элементом является форма иконки, характерная для мелкой пластики XV — нач. XVI вв.

Последним древним произведением в нашей коллекции является наперсный крест, (найденный в г. Карачеве) отлитый из медного сплава с массивным оглавием и с ушком для подвешивания (БОМ, № 10300) (илл. 9), размером 9,8 × 4,8 см. Он четырехконечный, односторонний, на лицевой стороне изображено рельефное распятие с копьем, губкой и с предстоящими по бокам скорбящими ангелами. Под распятием — Никита, избивающий беса. На оглавии креста изображен Нерукотворный Спас. Над распятием по его сторонам частично стертые надписи в зеркальном изображении. Такие наперсные кресты носились священниками и датируются сер. XVI в.

И. Е. Зайцева

МЕДНЫЕ СПЛАВЫ СЕРЕНСКА

Коллекция бронзовых вещей Серенска насчитывает больше 1000 предметов. Многие из них опубликованы в работах Т. Н. Никольской. Ею же сделана их классификация (в рукописи). Настоящая работа посвящена анализу металла серенских ювелирных изделий и некоторого количества пластин и обрезков. Всего в нашем распоряжении имеются результаты 59 анализов химического состава металла: 29 сделаны в лаборатории Института археологии РАН согласно принятой здесь методике спектрального анализа, 30 анализов сделано в ГИНЦветмете при помощи лазерной установки САМЕСА. Материал исследовался по методике, отработанной Т. Б. Барцевой и А. А. Коноваловым.

Возможность выделения химических групп (вещи, металл которых предположительно выплавлен из руд одного или группы геохимически родственных месторождений) для средневекового металла весьма проблематична (см. статьи А. А. Коновалова), и все же график парной корреляции сурьма — мышьяк позволяет говорить о 2, хотя и неравноценных по количеству поставляемого материала, источниках поступления сырья для серенских ювелиров. В 8 анализах сурьмы или нет вообще или меньше 0,003 %, тогда как в основной массе вещей она встречается в концентрации от 0,08 % до 0,4 %.

Основными легирующими металлами были олово и свинец. Статистическое исследование на частоту признака (построение гистограмм) показывает, что легированными оловом можно считать изделия, содержащие его 1 % и больше (49 образцов). Со свинцом картина более размытая. Максимум проб приходится на интервал от 0,05 % до 1 %, но значимые вершины выделить довольно трудно, поэтому при определении металлургических групп содержание свинца во внимание приниматься не будет. Легирование цинком нехарактерно для рассматриваемого материала. 5 вещей, содержащие цинк в количестве 1,5 % — 16 % можно считать привезенными в Серенск.

Выделение металлургических групп (изделий с искусственно внесенными одной или несколькими примесями) дало следующие результаты:

- 1) томпак, полутомпак, латунь $Cu + Zn + (Pb)$ $Zn > 1\%$ $Sn < 1\%$ — 2 образца;
- 2) многокомпонентный сплав I типа $Cu + Zn + Sn + (Pb)$ $Zn > 1\%$ $Sn > 1\%$ $Zn > Sn$ — 1 образец;
- 3) многокомпонентный сплав II типа $Cu + Zn + Sn + (Pb)$ $Zn > 1\%$ $Sn > 1\%$ $Sn > Zn$ — 2 образца;

- 4) оловянистая бронза $Cu + Sn + (Pb)$ $Sn > 1\%$ $Zn < 1\%$ — 46 образцов. Содержание олова колеблется в пределах от 1,2 % до 25 %. Средняя концентрация олова в пробе 6,2 %;
- 5) чистая медь все примеси меньше 1 % — 8 образцов. Из них 4 — это пластины, остальные изделия. Среди исследуемых вещей нет ни одной, сделанной из столь популярной в Новгороде свинцовистой бронзы.

В настоящее время мы располагаем результатами изучения медных сплавов средневековых Новгорода, Белоозера, 11 групп подмосковных курганов и кривичских курганов у д. Каблуково (А. А. Коновалов), Прибалтики (Е. Мугуревич), Торопца (Д. И. Фоняков). Близкие к серенским характеристики имеют сплавы подмосковных курганов, Торопца и частично Каблукова. Таким образом, Серенск можно отнести к «вятичской» по А. А. Коновалову зоне распространения сплавов, которая оформляется в XII веке.

Небольшое количество проделанных анализов вносит свои ограничения в полученные результаты, которые пока следует считать предварительными.

А. А. Зайцев

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СВЯТО-ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ (1961—1991 гг.)**

Ансамбль Свято-Пафнутьев-Боровского монастыря — эталонный памятник русского культового и оборонного зодчества. Многолетними трудами архитекторов-реставраторов О. К. Губаревича, В. И. Бородина, М. Д. Циперовича, Л. А. Давида, В. Н. Меркеловой, С. С. Подъяпольского, Н. В. Чуркановой здания и постройки монастыря были подняты из руин.

Безусловный интерес в связи с архитектурным обследованием ансамбля памятников вызвали археологические исследования на территории монастырского комплекса. Археологическими исследованиями на территории монастыря в разные годы руководили Ф. Гольдштейн, Н. С. Шеляпина (Владимирская), Е. Л. Хворостова, А. Б. Варенов, Н. В. Сапожников, Ю. Ю. Васильев, А. А. Зайцев. Несмотря на то, что археологические изыскания велись в тесной увязке с насущными нуждами реставрации памятника, исследованиями была охвачена практически полностью вся монастырская территория. Однако даже первый поверхностный взгляд на полученные результаты, к сожалению, показывает, что важные в историческом и топографическом отношении участки остались без внимания исследователей.

Достаточно полно исследован собор Рождества Богородицы (кон. XVI в.), открыты не сохранившиеся фрагменты существующих зданий и фундаменты разобранных: надвратная церковь преп. Пафнутия с галереей (нач. XVI в.), крыльца восточного братского корпуса (XVII в.), галерея церкви Митрофана (XVIII в.), комплекс хозяйственных построек к северу от западного братского корпуса (XVII в.), оружейная палата — ? (XVI в.?), остатки древнейших дубовых монастырских укреплений (кон. XV — нач. XVI вв.).

Мощность культурного слоя неодинакова на различных участках внутри существующих стен: после снятия многометрового балластного мусорного слоя она стала составлять от 50—90 см у северной стены до 150—200 см у южной. По составу слой более насыщен находками на хозяйственной половине монастырской территории. Однако отложения, свидетельствующие о жизнедеятельности монастыря, в общей свите напластований незначительны, зримо преобладают горизонты строительства или ремонтов, особенно вблизи существующих зданий.

Среди вещественных находок в культурном слое монастыря самая распространенная категория — керамика (бело- и сероглиняная, чернолощеная). Много архитектурных белокаменных и кирпичных деталей, есть муравленные и полихромные изразцы.

В процессе исследований на территории монастыря собрана значительная коллекция белокаменных могильных плит конца XV — XVIII вв.

Ключевым памятником монастырского ансамбля является собор Рождества Богородицы конца XVI в. В 60-е годы нашего века при восстановлении рухнувшего центрального барабана храма и подводке бетонной подушки под его фундамент внутри существующего объема были открыты остатки храма конца XV в., разобранные до бутовой кладки фундамента. Были трассированы остатки западной и южной стен, открыто мощение у южного портала (?). Наибольшую трудность представила интерпретация остатков на месте предполагаемых апсид собора 1466 г. Опубликованный В. Н. Меркеловой план открытых фундаментов позволил ей предложить достаточно убедительную реконструкцию. В. П. Выголов видит его как «четырёхстолпный, трехапсидный храм с квадратной в плане основной частью и сильно выступающей к востоку средней апсидой более крупного размера. ...Сравнительно крупных для своего времени размеров, имел аналогичные раннемосковским памятникам повышенные подпружные арки и завершался одной главой». Наиболее убедительной выглядит реконструкция С. С. Подъяпольского и Н. В. Чуркановой, поместивших объем храма на высокий цоколь. Действительно, материалы геобурения и исследования в соборе в последние годы ясно указывают на существование во второй половине XV — начале XVI вв., примерно в центре монастырской площадки, значительного естественного возвышения, использованного при строительстве древнего храма.

Остатки фресковой росписи, открытые на квадратах белого камня в кладке существующего собора и отдельные фрагменты фресок в завалах строительного мусора были атрибутированы В. Г. Брюсовой и Л. С. Муравьевым-Моисеенко, принадлежавшими кисти Дионисия.

Внутри собора и вокруг него было открыто обширное кладбище. Погребения безынвентарны, совершены в саркофагах, склепах, просто под белокаменными могильными плитами. Кладбище многоярусное. В связи с многочисленными перепланировками территории оказались утраченными топографические ориентиры кладбища, из-за чего сильно затруднена атрибуция открываемых погребений.

Подводя предварительные итоги тридцатилетнему периоду археологических исследований на территории монастырского ансамбля, можно сказать, что получен интересный и достаточно полный материал, существенно дополняющий общую картину истории монастыря. Значительная по объему коллекция находок займет свое место среди одновременных памятников культуры русского средневековья.

А. С. Смирнов

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ В АРХЕОЛОГИИ (Краткий обзор программных продуктов)

Последние несколько лет, благодаря распространению персональных компьютеров, можно считать началом практического применения вычислительной техники в археологии.

Значительные трудности на начальных этапах использования компьютерных систем вызывает программное обеспечение. К настоящему моменту для IBM-совместимых компьютеров имеется громадное количество программных средств. Их возможности могут удовлетворить практически все требования археологов, за исключением чрезвычайно специфических задач. Отказавшись во всяком случае на первом этапе освоения ПЭВМ, от написания собственных программ, исследователь получает ряд преимуществ реально получая эффективно действующий программно-аппаратный комплекс, и может приступить к практической работе.

Среди программ, которые необходимы для научного исследования, в первую очередь следует остановиться на программах баз данных. Наиболее известны СУБД: dBase III Plus, FoxBase Plus, Clipper Paradox. В практической деятельности археологов часто пользуются СУБД класса dBase и FoxBase. Но при обработке больших массивов данных — например нескольких крупных могильников с разнообразным инвентарем, сооружениями и т. п. — исследователь сталкивается с ограничениями, налагаемыми этими системами. Особое место в системе применяемых в археологии СУБД занимает программа Paradox.

Создание баз данных — неизбежный этап при работе с формализованными данными, а в случае применения компьютера в особенности. Только представив информацию в доступном для ПЭВМ виде — а базы данных единственный в данном случае путь, — можно переходить к последующему этапу — обработке данных.

Одними из наиболее часто применяемых археологами при своих исследованиях операций несомненно являются различные математические действия. В силу специфики материала и исследований количественные данные представляются обычно в виде таблиц. Для табличных расчетов широкое распространение получили ППП для работы с электронными таблицами (табличные процессоры). Наиболее распространенные — Lotus 1—2—3 и SuperCalc.

Широкий набор арифметических действий, стандартных функций, в первую очередь математических и логических, возможность создания командных файлов — все это позволяет быстро

сформировать требуемый программный продукт в удобной для пользователя форме. В электронной таблице можно создать формулы практически всех применяемых в археологии вычислений. Присутствие логических функций в системе позволяет реализовывать расчеты различными путями в зависимости от условий исходных данных и промежуточных вычислений, не меняя структуру таблицы.

Специализированные пакеты для статистической обработки данных предлагают пользователю большие возможности для детального анализа. Подобных программ множество — каждый специалист может выбрать программу, наиболее отвечающую поставленной прикладной задаче.

Решение большинства исследовательских задач на персональном компьютере как правило требует использования нескольких специализированных пакетов. Однако переход от одной системы к другой и обмен данными между ними вызывает ряд сложностей, а в каких-то случаях просто невозможен. Это и послужило одной из главных причин появления интегрированных прикладных систем, целью создания которых было объединение наиболее часто используемых программ.

С точки зрения археолога интегрированные системы несомненно удобны для повседневной работы, проведения каких-либо операций с текстом, небольшими базами данных, графического отображения результата вычислений. Для чисто исследовательских задач они менее приспособлены, главным образом из-за малого количества свободной оперативной памяти. Это не позволяет проводить сложные операции, работать с большими базами данных и осуществлять сложные расчеты. Тем более, что отдельные системы интегрированного пакета имеют функциональные ограничения.

Текстовый редактор, СУБД, электронная таблица (или пакет статанализа) являются минимальным комплектом ППП, необходимым для работы с ПК. Но этим далеко не исчерпываются возможные области применения компьютера. Можно назвать разнообразные экспертные системы, системы моделирования процессов, системы анализа изображений, многие другие ППП с весьма обширными возможностями. В данном случае мы остановимся лишь на разделе автоматического проектирования (САПР). Наиболее употребимым в этой области программным пакетом и одновременно наиболее отвечающим требованиям археологов является AutoCAD. Использование AutoCAD в археологии отличается рядом особенностей и первая среди них — специфика ввода изображения.

Кроме автоматизации собственно чертежно-графических работ AutoCAD предоставляет множество дополнительных возможно-

стей. В AutoCAD существует понятие слоя, что позволяет накладывать как бы несколько прозрачных пленок с различными деталями на одно и то же изображение с едиными системами координат и связанными с ней параметрами. Например, слой с находками определенного типа или определенного горизонта можно накладывать на схему раскопа в любых сочетаниях.

AutoCAD предусматривает быстрый и плавный переход от 2-мерного изображения к 3-мерной модели. Это позволяет производить различные трехмерные реконструкции объектов с рядом дополнительных возможностей (например, показать изменение облика сооружения в соответствии со строительными периодами). Можно сделать трехмерную модель раскопа с содержащимися в нем находками для наглядного представления об их расположении.

Одной из наиболее примечательных для археологов возможностей AutoCAD — возможность создавать базы данных по объектам с заданными признаками, включенным в графические изображения, и осуществлять функции импорта/экспорта данных. Другими словами, оцифровывая, например, схему раскопа с нанесенными на нее находками, мы можем одновременно создавать базу данных по этим находкам (согласно заданным заранее признакам).

Это лишь несколько из широкого перечня направлений применения AutoCAD, которые программа предоставляет в традиционной конфигурации. При написании небольших прикладных программ возможности адаптации системы к археологическим требованиям расширяются многократно.

При этом AutoCAD в определенной степени лишь средство для создания прикладных систем, благодаря встроенному языку AutoLISP. На его базе разработан ряд картографических, географических, геологических, экологических и т. п. программ, многие из которых легко адаптируются в археологической области.

А. И. Ульянов

УГОДСКИЙ КРАЙ В ДРЕВНОСТИ

Угодский край включает в себя территорию Жуковского района Калужской области. Название происходит от древнего названия современного районного центра — Угодский Завод (Угодка). Период древности охватывает события с древнейших времен до появления в бассейне реки Оки славян.

Первые археологические раскопки на территории края провел в 1891 г. С. А. Комаров, член КУАК, раскопавший курганы древнерусского времени близ с. Оболенского.

Значительный вклад в археологическое изучение края внес К. Я. Виноградов. Именно он обнаружил здесь древнейшие поселения людей и сумел организовать работу экспедиции под руководством выдающегося археолога В. А. Городцова.

В ходе развернувшихся в 1923 г. работ было раскопано Огубское городище, ставшее впоследствии широко известным памятником. Лучшие представители московской и калужской интеллигенции приняли участие в раскопках (В. И. Извеков, М. Е. Шереметьева, А. В. Арциховский и др.). Огромную роль в успехе исследования сыграла денежная помощь местного кооператива. Позже В. А. Городцов писал: «Движение этого просвещенного сельского общества навстречу нужд науки являет в России первый, заслуживающий полного внимания пример. «Значительный вклад в изучение древностей угодского края внесли работы Т. Н. Никольской, В. С. Нестерова, А. С. Фролова, И. К. Фролова и др.

Первые попытки обобщения накопленного материала относятся к 1955 г., когда сотрудник Калужского областного краеведческого музея М. Михалев, опубликовал в местной печати несколько статей по истории края.

Созданный в 1960 г. в селе Угодский Завод народный музей стал своеобразным центром по изучению края. В 1985 г. его основатель А. Д. Терешин опубликовал книгу (Брыляков Н., Терешин А. Жуково. Тула. 1985), которая до сих пор является единственной опубликованной работой по истории угодского края. К сожалению, ее авторам не удалось избежать целого ряда неточностей и даже ошибок.

В настоящее время результаты последних археологических раскопок, новые данные археологической науки и архивные изыскания позволили автору приступить к созданию более полной и научно обоснованной истории края.

Первые следы пребывания человека на нашей земле можно отнести ко II тыс. до н. э. Подтверждением этому служит находка каменного топора фатьяновской культуры на берегу реки Дырочной, недалеко от п. Белоусово.

В 1921 г., в окрестностях д. Стрелковки, В. А. Городцов раскопал древнейший курганный могильник «Михалева гора». Изучение находок показало, что они принадлежат к абашевской культуре 2 пол. II тыс. до н. э.

Древнейшее поселение раскопал К. Я. Виноградов. Селище «Михалева гора» располагалось там же, где был обнаружен абашевский могильник. Правда, люди здесь жили позже, примерно с VII в. до н. э. по XV в. н. э. Древнейшими жителями селища были представители дьяковской культуры. В 1980-х гг. Обнинское управление строительства при попустительстве районных властей уничтожило «Михалеву гору».

Одной из сложнейших проблем истории края является вопрос об этническом составе дославянского населения этих мест. Исследования В. В. Седова в области топонимики убедительно доказали балтское происхождение многих названий Волго-Окского междуречья. Гипотеза Б. М. Тюльпакова, согласно которой в названии наших рек отразилась борьба финно-угорских и балтских этносов, требует, на мой взгляд, более углубленного подхода.

Результаты исследований последних лет позволяют утверждать, что эта территория в древности последовательно заселялась финно-угорскими, балтскими (голядь) и славянскими племенами.

Наиболее древним поселением является Огубское городище. В настоящее время имеющиеся факты позволяют поставить под сомнение укрепленный характер поселения, вероятно, что это было селище. Известно также, что поселение это было многослойным: финно-угорское, мощинское (голядь) и русское средневековое (XIV — XVI вв.). Исследование костных остатков животных показало значительные изменения в природном балансе края (ранее здесь в изобилии водились олени, косули, бобры, осетры и другие ныне исчезнувшие животные). Огубское поселение хорошо описано в литературе, однако до сих пор в ней не нашли отражения вопросы духовной жизни древних поселенцев (по материалам раскопок). К сожалению, интереснейший археологический памятник был уничтожен в 1982 г. Белоусовским совхозом.

Помимо вышеуказанных в настоящее время на территории края известны следующие дославянские поселения:

Ичское городище — расположено недалеко от д. Алтухово, на берегу р. Ича. Относится к I—V вв. н. э. Раскопки К. Я. Виноградова в 1924. Находки в Калужском краеведческом музее.

Костинка — мощинское селище, расположенное на берегу р. Угодки, при впадении в Огублянку. Обнаружено В. С. Нестеровым. Разрушено.

Михалева гора — памятник III — V вв., вероятно мощинской культуры. Обнаружен В. С. Нестеровым. Уничтожен карьером.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что до появления в регионе славян основной этнической группой местного населения были балтские племена (голядь).

В. Я. Филимонов

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

В основу новых подходов к региональной истории могут быть положены как достижения дореволюционного краеведения, так и исследовательские принципы западных историков, отечественных краеведов-марксистов. Главная черта переживаемого момента — обострившаяся потребность методологического обновления региональных исследований.

Перед историками-краеведами стоит задача изучения региональной истории как многомерного, многофакторного процесса. Догматическое применение классового подхода в историческом краеведении привело к тому, что за пределами внимания историков-краеведов оказались целые пласты духовного наследия, история многих социальных групп, сословий, исторических личностей. От этого историческое знание обеднялось, примитивизировалось. Крайне недостаточно изучалась краеведами (по крайней мере в последние десятилетия) история калужского купечества, дворянских родов, предпринимательства. Практически оказались утраченными существовавшие ранее традиции генеалогических исследований. С превращением «классового фактора» из решающего в «один из» меняется и общее восприятие таких понятий, как «народ», «трудящиеся массы», эксплуататорские классы, общество в целом.

Многомерность исторического процесса предполагает раскрытие конкретного механизма взаимодействия разнообразных факторов формирования системы расселения: возникновения и развития городов (их типологии), складывания вокруг торгово-промышленных центров зоны экономического тяготения, инфраструктуры, формирующей определенный регион («край») со свойственными ему местными, специфическими чертами культуры. Перспективной в этом плане представляется работа по изучению исторических усадеб, центров дореволюционных поместий, их роли в формировании культурного ландшафта региона.

Особое место в методологическом обогащении региональной истории принадлежит совершенствованию применения формационного подхода. Имевшая место в течение длительного времени фетишизация такого подхода приводила к тому, что региональный исторический материал как бы «подгонялся» под схему,

определяющую основные формационные признаки (феодализм, капитализм). Между тем, в различных регионах эти черты могли проявляться по-разному, и именно региональные исследования призваны вскрыть эти специфические черты, факторы, обуславливающие местные особенности.

Требует пересмотра проблематика историко-краеведческих исследований. В советское время краеведами проделана большая работа по изучению истории освободительной борьбы, фактов борьбы русского народа за независимость, анализу социально-экономических процессов. Гораздо менее изучались культурологические аспекты, духовная жизнь общества, всех его социальных слоев. Нуждается в обогащении жанровое многообразие региональных исследований (путеводители, книги по истории городов, сел, фабрик и т. п.). В этой связи следовало бы возродить и развить традиции отечественного «градоведения» 20-х годов (в частности, раскрытие особенностей поселения через категории («душа города», «облик города» и т. п.).

С точки зрения организации, важной предпосылкой для достижения новых задач могут стать региональные программы, объединяющие усилия историков-краеведов (такие как «Энциклопедия Российских деревень», «Историко-культурное наследие центральной России», «История крестьянства Западного региона России» и др.). Участие калужских краеведов в реализации этих программ должно и может стать более широким и плодотворным.

КАЛУГА НА ДРЕВНЕЙ КАРТЕ

Если кто-либо из любознательных калужан или жителей других весей прочтет историческую краеведческую литературу о Калуге, то, к удивлению своему, обнаружит на страницах различных изданий, включая словари и энциклопедии, различные даты первого упоминания о городе. Датами первого упоминания Калуги, от которых ведет отсчет ее история, принято считать и 1371 год (письмо литовского князя Ольгерда Гедиминовича Константинопольскому патриарху Филофею), и 1389 год (духовная грамота Дмитрия Донского), а Д. Малинин и Н. Маслов историки-краеведы называют и 1351 год, год похода московского великого князя Симеона Гордого на Смоленск и Угру и возможной закладки им крепости по реке Яченке.

Однако ряд исследователей калужской старины еще в XVIII веке высказывали предположение, что Калуга существовала значительно раньше своего зафиксированного появления в письменных источниках. Академик В. Зуев, посетивший Калугу в 1781 году, в своих «Путешествующих записках от Петербурга до Херсона» писал: «Город Калугу по справедливости должно почесть между древними российскими городами, но летопись о нем ничего не упоминает... записи, хотя и имелись, однако по столь многим бывшим несчастным с городом обстоятельствам все пропали». «Мы — не помнящие родства и не знаем, когда была основана Калуга. Материалов, проливающих свет на изначальные шаги калужской истории... не имеется», — печалился вслед В. Зуеву известный калужский краевед Д. Малинин.

Изучение исторической словесности позволяет впервые ввести в краеведческий оборот интересный документ — карту из книги А. И. Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжения», изданную в Санкт-Петербурге в 1794 году. Картографические данные, содержащиеся в этой книге, возможно, помогут выяснить исходную дату первой страницы истории Калуги и дать исследователям новые сведения о Калуге.

В 1794 году А. И. Мусин-Пушкин (1744—1817 гг.) известный знаток русской старины, археограф, историк, опубликовал посвященную императрице Екатерине II книгу «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества», о славяно-русском княжестве, существовавшем в X—XI вв. на Таманском полуострове. В книге, помимо основного текста, приложен словарь географических названий и карта, именуемая «Чертеж, изображающий часть древней России до нашествия татар».

Этот план из книги А. И. Мусина-Пушкина привлекал внимание современников как серьезное научно-историческое изыскание. Историк Н. Бантыш-Каменский, современник А. И. Мусина-Пушкина, отмечал в своем биографическом тексте об авторе «исторического исследования»: «При сей же книге издал весьма любопытную и давно всеми желаемую карту древней России». И на этой карте Руси 30-х годов XIII века, т. е. явно до 1237 года, года первого набега монголо-татарской орды на Северо-Восточную Русь, наряду с Перемышлем и Козельском, нанесена... Калуга! Причем расположение Калуги на реке Оке совпадает с обычной для нашего города системой координат на современной географической карте. Следовательно, если опираться на этот географический источник и считать исторически достоверной географическую номенклатуру, которую он содержит, то наша «милая Калуга» существовала оказывается еще в XIII веке!

Важнейший элемент содержания этой карты из книги А. И. Мусина-Пушкина «Историческое исследование о местоположении древнего Российского Тмутараканского княжества, как, конечно, и любой географической карты — подпись названия на карте служит убедительным доказательством более древнего прошлого Калуги, чем возникновение ее во второй половине XIV века. По законам топонимики (науки о происхождении географических названий) географическая карта — богатейший источник фактических знаний. Подпись на старинной карте отражает реальное существование географического объекта и является источником его названия. Карта «Чертеж, изображающий часть древней России до нашествия татар», таким образом, может дать еще одну информацию к размышлению о начальной дате Калуги и служить определенным свидетельством в суждениях по спорному вопросу о более раннем существовании Калуги, тем более, что нет прямых письменных доказательств этому.

В словаре географических названий Древней Руси, имеющемся как приложение к книге А. И. Мусина-Пушкина, есть краткое истолкование «Калуга». В нем автор «исторического исследования», в унисон с картографическим произведением книги, констатирует давность начальной истории Калуги. Время основания сего города неизвестно: но видимые и поныне в окрестностях его три городища, заставляя думать, что он не безызвестен был и в древности».

Возникает резонный вопрос: на основании чего могла быть составлена карта «Чертеж древней России до нашествия татар» и насколько она исторически достоверна? На этот непростой вопрос может быть выдвинута такая гипотеза. Хорошо известно,

что у А. И. Мусина-Пушкина было обширное собрание уникальных древних рукописей, редчайших книг, собственных выписок из старинных изданий и трудов.

По словам Н. М. Карамзина, рукописный материал этого собрания был так велик, что не только прочесть, но даже пересмотреть его в короткое время было невозможно. Полная опись всего собрания А. И. Мусина-Пушкина неизвестна и сейчас трудно представить, какие были там бесценные манускрипты. Основная часть этого обширного собрания и личного архива А. И. Мусина-Пушкина погибли во время известного пожара Москвы в 1812 г. Можно предположить, что историко-географический материал для карты Древней Руси, приложенный к книге «исторические исследования», мог быть извлечен из этих не дошедших до нас рукописей и стать источником ее создания.

Возможно еще источником для составления карты послужили в какой-то мере и «выписки для уразумения древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических мест, упоминаемых в летописях наших», которые были в неизданных трудах другого примечательного историка XVIII века — И. Н. Болтина (1735—1792 гг.), известного составителя исторических и географических описаний России, подлинный текст которых нам не известен и сохранился, только частично, в неполных списках. И. Н. Болтин был близок по кругу научных интересов А. И. Мусину-Пушкину и, как писал сам автор исследования о Тмутараканском княжестве в своей книге «по дружескому своему почти ежедневному обращению» обсуждал с ним проблемы географии Древней Руси. В собрании А. И. Мусина-Пушкина было свыше ста связок архивов и коллекций И. Болтина, в том числе неизвестные рукописи, возможно могущие быть верным свидетелем прошлого Калуги и утраченные после пожара 1812 года вместе со всем историческим богатством собирателя.

И все же, могла ли быть Калуга реально существующим объектом на карте домонгольской Руси? Или это подделка, вымысел, сознательное удревление городов русской земли А. И. Мусиным-Пушкиным, который видел в древности величие Отечества и удовлетворение чувства национальной гордости. Видимых доказательств такое предположение не имеет. Мы не знаем, какими документальными источниками, какими раритетами из своей библиотеки и рукописных изданий пользовался при составлении «Чертежа карты древней России» А. И. Мусин-Пушкин, и упрекать его в фальсификации надписей на карте, не верить в древность содержания карты без убедительного свидетельского свидетельства — тоже оснований не имеет.

Многие важнейшие открытия графа А. И. Мусина-Пушкина сопровождаются загадочными и спорными обстоятельствами. К таким сюжетам можно отнести и документальные источники, которые использовались при составлении «Чертежа Древней России».

Итак представлена новая версия первого упоминания нашего города на основе загадочного картографического документа. Выдвигая его в качестве возможной гипотезы, автор публикации хотел обратить внимание краеведов и исследователей к спорным страницам Калуги, к расширению источниковой базы и показать читателям архивную романтику и увлекательность краеведческого поиска.

М. А. Зорина

О НОВОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

(некоторые итоги работы над хроникой рабочего движения)

(Тезисы)

В Государственном архиве Калужской области ведется работа по подготовке Хроники рабочего движения в Калужской губернии с 1895 по 1917 гг. Цель хроники — всестороннее освещение истории борьбы рабочего класса на основе всех фактов, выявленных по материалам Государственного архивного и партийного фондов, а также периодической печати того периода. Задачей хроники является максимальный учет всех фактов борьбы пролетариата, освещение деятельности организаций, степень воздействия различных идейных течений и партий на сознание и активность рабочих.

Предшествующие попытки создания хроник рабочего движения не смогли отразить реальную картину событий. Это связано с тем, что в советской исторической науке глубоко укоренилась традиция рассматривать рабочее движение с классовых, большевистских позиций. Предыдущие хроники касались лишь некоторых форм борьбы рабочих. В них рассматривались события в довольно узких хронологических рамках, источниковедческая база была весьма ограничена. Все эти обстоятельства не позволяли обобщить, свести воедино все материалы в общероссийском масштабе и дать правдивую оценку событиям того времени.

До октября 1917 года наша губерния была по преимуществу сельскохозяйственной. В связи с этим активного движения рабочих промышленности быть не могло. Эпицентрами забастовок и волнений в губернии были такие промышленные районы, как Калуга, Людиново, Песочня, Сукремль, Боровск, Полотняный Завод, Кондрово, так как в них находились крупные предприятия по производству и переработке. Это целая сеть чугунолитейных заводов Мальцовского акционерного общества, калужские железнодорожные мастерские, боровские платочно-набивные, ткацкие и красильные мануфактуры, бумажные фабрики Гончарова и др.

С 1895 по 1917 годы в губернии произошло более 100 забастовок, все они имели экономический характер. Требования, выдвигаемые рабочими, можно разделить на несколько групп. К первой относятся требования повышения заработной платы, а не сокращения рабочего дня до 8 часов, как считалось ранее. Увеличение заработка присутствует во всех требованиях и составляет их

основную массу. Ко 2-й группе относится все, что касается организации труда на предприятиях. Сюда входит: 8-часовой рабочий день, увольнение неугодных лиц из администрации, справедливое распределение работ и т. д. 3-ю группу составляют требования об улучшении бытовых условий, в том числе, строительство новых помещений под жилье, обеспечение койками, открытие медицинских пунктов, улучшение снабжения продуктами и т. д.

И лишь в единичных случаях имеют место политические требования. Они выдвигались, в основном, в тех выступлениях, поводом к которым были забастовки рабочих столицы. Что касается роли партии в организации волнений и забастовок, то в нашей губернии она была эпизодической, потому что эти организации были не столь крепки идейно и организационно, чтобы убедить и сплотить вокруг себя рабочих даже одного предприятия. Большим влиянием в губернии пользовалась партия социал-революционеров, по причине того, что губерния была более сельскохозяйственная, чем промышленная. А эсеры опору видели в сельском населении, и главным детищем партии был закон о земле, что для населения нашей губернии было близко и понятно.

В 1905—1907 гг. в рабочем движении иногда имели место экстремистские террористические тенденции, которые ранее в науке игнорировались как «нетипичные», с чем сейчас согласиться нельзя. Появились анархо-бунтарские черты, выражавшиеся в поджогах, грабежах, изгнании представителей администрации с предприятий.

Выявленные нами документы свидетельствуют, что в России того времени достаточно хорошо действовала репрессивная машина. Шпионаж и слежки были делом обычным и отлаженным. И потому любая искорка революционного настроения или бунтарского духа тут же пресекалась. После забастовки рабочих, например, на одном заводе Мальцова рассылались списки зачинщиков по всем мальцовским предприятиям, чтобы этих работников не принимали, а так как предприятий было немного, то устроиться было трудно. Департамент полиции из центра то и дело рассылал на места приметы политически неблагонадежных.

Нельзя не отметить, что особенностью рабочего движения на территории нашего края было то, что забастовки, демонстрации и митинги не заканчивались кровопролитными столкновениями с полицией и солдатами. Самой строгой мерой со стороны властей был вызов казаков, но не более. Это объясняется тем, что сельское население губернии не было политически активно и решительно настроено к борьбе. Увеличение зарплаты, улучшение условий труда и быта — вот главные цели борьбы рабочих калужского края.

Таким образом, общепринятое мнение, что революция исходила и была поддержана снизу, не находит подтверждения. Совершенная в центре, в частности петербургским пролетариатом, она насаждалась на места, зачастую насильственными методами.

К изучению истории рабочего движения в России в настоящий момент необходим новый подход, свободный от политической конъюнктуры и догматизма, что позволит исследователям выявить его новые черты. Тема имеет большой научный интерес, так как выступления рабочих продолжались и в течение гражданской войны, и в последующие годы, о чем фактически известно мало.

Мощный всплеск рабочего движения в наши дни тоже должен стать объектом пристального внимания историков. Потому что для понимания нынешних проблем необходимо учесть исторический опыт. Лишь правда истории помогает людям мыслить и двигаться вперед.

М. В. Кислицына

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЦГАДА ПО ФОНДУ ГОНЧАРОВЫХ

В 1992 году была продолжена работа с семейным архивом Гончаровых, хранящимся в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) под № 1265, по теме «История полотняно-бумажной мануфактуры кон. XVIII — нач. XX вв.». Изучение документов в основном коснулось бумажной фабрики.

Бумажная фабрика А. А. Гончарова считалась одной из крупнейших в Европе и была в числе четырех бумажных мануфактур, построенных при Петре I. Бумага отличалась высоким качеством, по отзыву неизвестного современника. А. А. Гончаров «бумажную фабрику привел в такое состояние, что бумага его почиталась первою в России».

Бумажная фабрика находилась в одном дворе с полотняной. Комплекс промышленных зданий бумажной мануфактуры включал в себя рояльные и черпальные амбары, многоэтажные (до пяти этажей) деревянные сушильни, амбары-склады для тряпья и материалов, подсобные мастерские. Самое раннее описание фабрики относится к 1743 году. В это время бумажная фабрика размещалась в 27 производственных помещениях. Значительных размеров была и полотняная фабрика. В связи с дальнейшим ростом мануфактуры продукция полотняной и бумажной фабрик Указом мануфактур-коллегии от 1744 года освобождается от пошлин, об этом свидетельствует документ ЦГАДА (д. 73, оп. 2, стр. 1—2). В 1770-х годах бумажная фабрика была капитально перестроена, продолжали строить ее и в дальнейшем, и к сер. XIX в. у Гончаровых действовали три бумажных фабрики: основная, Никольская и Юшинская на р. Шане.

В продолжение всего XVIII века у русской писчебумажной промышленности был большой внутренний рынок. О сбыте бумаги Гончаровы сообщали: «Бумага продается при фабриках и в разных городах внутри государства».

В подтверждение этого говорят многие документы ЦГАДА о заключении контрактов на поставку бумаги в разные города.

В кон. XVIII — нач. XIX вв. появилась новая форма реализации бумаги. Нуждаясь в деньгах, А. Н. Гончаров заключает в 1832 году с калужским купцом А. Л. Прянишниковым договор о поставке только ему определенных сортов выработанной бумаги. В этом же году был заключен договор между А. Н. Гончаровым и купцом А. А. Чехихиным о продаже ему писчей бумаги: голландской, полуголландской всего 3600 стоп на сумму 19915 рублей.

Интересный документ относится к 1762 году. В этом году Гончаров заключил первый контракт на поставку бумаги в Синодальную типографию. По условиям контракта 1762 года Гончаров обязался 4 года поставлять книжную бумагу, «сколько когда по случаю надобности на печатание книг востребуется, по цене: полумосковская по 7 руб. 16 коп. за стопу, библейскую по 3 руб. 40 коп.».

Не менее интересный документ относится к 1803 году. Это последний Указ мануфактур-коллегии А. Гончарову на производство бумаги для Московской Синодальной типографии, т. к. по имеющимся данным поставка продолжалась до 1808 года.

В начале XIX века сильно снизились доходы от полотняной мануфактуры. Остро нуждаясь в деньгах, А. Н. Гончаров в 1804 году сдал бумажную фабрику в аренду купцу И. Т. Усачеву. Получая ежегодно арендную плату в сумме 28000 руб., он полностью избавлялся от ведения дел по производству и реализации бумаги. В архиве сохранилась опись материалов, строений, машин, сданных арендатору И. Т. Усачеву в 1806 году.

Купец-арендатор И. Т. Усачев получил право организовать производство и продажу бумаги по своему усмотрению. Инициатива и свободный капитал арендатора открывали новые возможности. Проведенные Усачевым за 25 лет (с 1804 по 1828 гг.) аренды новые приемы, в частности, техническое переоборудование, дальнейшее разделение труда и привлечение наемных работников уподобили посессионную мануфактуру капиталистическому предприятию.

Интерес представляют документы, касающиеся родословной Гончаровых.

В ЦГАДА имеется Дело об утверждении дворянского рода Гончаровых с перенесением их из первой части дворянской родословной книги в третью. Дело состоит из следующих пунктов: 1) А. А. Гончаров получил 20 января 1744 года чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство; 2) А. Н. Гончаров получил Диплом Дворянский 2 октября 1789 года; 3) записан он был в 1-й части Дворянской Родословной Калужской губернской книги 22 мая 1790 года; 4) он первый в роде Гончаровых получил орден Св. Владимира 4-й степени 2 декабря 1791 года; 5) сын его, Ник. А. Гончаров, коллежский асессор получил также орден Св. Владимира 4-й степени 22 декабря 1811 года.

За всем этим мы, все трое сыновей: Дмитрий, Иван и Сергей, просим, чтобы отца нашего и нас самих выписали из 1-й части в 3-ю часть родовой Дворянской книги.

В 1849 году Дворянской Грамотой был удостоен Д. Н. Гончаров. В Грамоте говорится следующее: «...предъявленные от Д. Н.

Гончарова о Дворянском его достоинстве доказательства, признали оные согласными с предписанными на те правилами, он и род внесен в Дворянскую Родословную Московской губернии книгу».

Предвидя трудности в ведении дела и желая сохранить свое любимое детище — полотняную мануфактуру, А. А. Гончаров добился майората на это владение, то есть запрета отчуждения и дробления фабрики. В челобитной на имя Екатерины II он просил, чтобы фабрика, которую он привел в «совершеннейшее пред прочими всеми Российскими состояние», оставалась и после него нераздельною под именем «фабрика Афанасия Гончарова с его наследниками». В архиве сохранились копии документов, подтверждающих права и привилегии майората Гончаровых. Документы включают в себя: 1) копию духовного завещания А. А. Гончарова 8 августа 1778 года; 2) копию от 7 июня 1832 года о разрешении продажи наследственных фабрик и о неприкосновенности майоратного капитала, имеющего быть выреченным от продажи оных.

В архиве сохранились документы, отражающие служебную сторону жизни А. Н. Гончарова. Это Указы, рескрипты о пожаловании чинов и орденов А. Н. Гончарову. 29 февраля 1776 года Указом Екатерины II А. Н. Гончаров пожалован чином подпоручика. 28 февраля 1786 года был подписан Указ Екатерины II о пожаловании его в секунд-майоры. 2 декабря 1791 года Екатерина II подписана рескрипт на орден Святого Владимира 4-й степени. А. Н. Гончарову «за усердие оказанное к пользе Государственной».

Изученные документы дают возможность использовать их в построении экспозиции будущего музея Полотняного Завода.

И. Н. Юркин

ПОСЛЕ СМЕРТИ ГРИГОРИЯ НИКИТИЧА ДЕМИДОВА: СУДЬБА ЕГО НАСЛЕДИЯ И НАСЛЕДНИКОВ

(1728—1771 гг.)

На основании опубликованных и вновь выявленных архивных материалов прослеживается история предприятий, основанных Григорием Демидовым, средним сыном основателя династии Демидовых Никиты Демидовича Антюфеева, приводятся биографические сведения о судьбе его потомков и наследников.

Григорий Демидов был убит сыном Иваном в Туле в Гончарной слободе в ночь на 14 мая 1728 г. Наиболее ценной частью оставленного им наследства был металлургический (доменный и передельный) водоедействующий Верхотулецкий (Старогородищенский) завод на р. Тулице в Тульском у. В борьбу за обладание им оказались втянутыми дочь Григория от первого брака Акулина (бывшая к тому времени замужем), дочь от второго Анна, ее мать, вдова Григория Христина (Кристина) Борисовна) и его старший брат Акинфий.

Первоначально основными претендентами на наследство считались вдова и ее дочь. Сама Христина Борисовна, вероятно, уже считала завод своей собственностью: в ноябре 1728 г. она жаловалась на незаконные порубки леса в роще близ завода и обещала объявить «цену» понесенным убыткам. Но в декабре в дело вмешался Акинфий Демидов, предъявивший права на занятую заводом землю и бросивший тень на Анну Григорьевну как законного потомка Григория. За права Анны вступился младший брат Акинфия Никита. Результатом борьбы явился достигнутый к началу июля следующего 1729 г. компромисс: Христина и Анна Демидовы уступили Акинфию свои права на завод за 5 тыс. рублей.

Сведения о дальнейшей судьбе вдовы и младшей дочери Григория Демидова отсутствуют. Впрочем, в середине 40-х годов XVIII в. Христина Борисовна была еще жива: в книге 2 ревизии по Туле упомянуты принадлежащие ей 5 душ (из крестьян Тульского и Веневского уездов), «прибылых после прежней ревизии по купчим».

Судьбу брата Анны — отцеубийцы Ивана — предопределило совершенное им преступление. Согласно традиции русского законодательства, идущей еще от церковного устава кн. Ярослава, дети, убившие своих родителей, независимо от мотивов и обстоятельств убийства, наказывались смертной казнью. Эта норма («казнить смертию... безо всякия пощады») была сохранена и в Соборном уложении 1649 г. (гл. 22, ст. 1), она действовала и в

20-х годах XVIII в. Будучи схваченным (не позднее 29 мая 1728 г.), Иван по завершении розыска (следствия) был в феврале 1730 года казнен в Туле.

Акинфий Демидов недолго распорядился на отвоеванном им заводе. Оставив за собой формальное право владения, он передал завод Акулине Григорьевне, урож. Демидовой, и ее мужу Илье Ивановичу Данилову.

Гибель основателя серьезно отразилась на судьбе его хозяйства: в год смерти Григория выплавка чугуна снизилась на 40 %, в следующем году завод вообще бездействовал. Илья Данилов сумел восстановить производство: довел его в 1730 г. до уровня 1728 г., а в дальнейшем добился превышения этого уровня.

В ноябре 1744 г. (незадолго до смерти в августе 1745 г.), Акинфий Демидов лишил Даниловых права пользования Верхотулецким заводом, но позднее (январь 1746 г.) наследники Акинфия вернули завод Даниловым. В это время Илья Данилов был еще жив (умер, вероятно, не ранее 1755 г.); поздние источники владелицей завода называют Акулину Данилову.

На рубеже 30-х и 40-х годов Даниловы расширили производство, построив молотовый завод на купленной Григорием Демидовым еще в 1723 г. земле д. Сементиново Алексинского уезда по р. Рысне. До строительства этого завода здешние крестьяне использовались для работ на Верхотулецком заводе. Разрешение на строительство было получено Даниловой в сентябре 1740 г. (повторное; первое относилось к 1726 г.), молотовая была пущена уже в 1741 г.

Указ от 30 августа 1754 г. о закрытии металлургических и ряда других заводов в 200-верстной зоне вокруг Москвы не затронул предприятий Даниловых, снабжавших металлом Тульский оружейный завод. Более того, в связи с низким качеством обычно употреблявшейся на заводах Н. Н. Демидова и И. И. Данилова руды, в Военную коллегию в 1755 г. было представлено доношение об отводе названным заводчикам в Малиновой засеке рудников Медведь и Овсяник, «в которых руды самая добрая и мягкая».

Из представителей административного и технического персонала заводов Даниловых назовем приказчика Никифора Селиверстова (1742) и молотового мастера Ивана Алексева (1734). На заводах наряду с вольнонаемным использовался труд крепостных крестьян. Из того, что, уйдя с заводов в бега, иные из них в конечном счете «оседали» опять на заводах, следует, что они, вероятно, совершенно оторвались от сельскохозяйственного производства.

В 60-х годах заводское хозяйство Даниловой клонится к упадку. Домна Верхотулецкого завода остановилась в 1768 г. Сементиновский завод, возможно, некоторое время еще работал. 11 июня 1770 г. оба завода купили Андрей и Иван Родионовичи Баташевы. Завершившие вскоре строительство нового завода (Велетминовского — пущен 15 октября 1770 г.) они добились разрешения Берг-коллегии (дано 31 мая 1771 г.) заводы Верхотулецкий и Сементиновский закрыть, а обученных крестьян с них перевести на заводы Гусевский, Выксунский и Велетминовский.

В. И. Осипов, А. И. Осипова
**УЩЕРБ, ПРИЧИНЕННЫЙ БОРОВСКУ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА**

Обращаясь к теме Отечественной войны 1812 года, боровские краеведы вот уже многие десятилетия опираются на одни и те же источники. Это не могло не сказаться на качестве публикаций по этой теме, которые отличаются редкостным однообразием.

Впервые данные о разорении Боровска французскими войсками в 1812 г. привел в своем труде Г. Зельницкий, указавший, что из 800 домов в Боровске осталось всего 120. В ходе подготовки к празднованию 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года было издано несколько сборников документов, в которых имелись разделы, относившиеся к Боровску и уезду, приводились документы по разорению Пафнутьев-Боровского монастыря. По смете, составленной архимандритом Иннокентием, на ремонт и восстановление разрушенного Пафнутьева монастыря требовалось 45489 руб.

В дальнейшем краеведы, описывая ущерб, причиненный французами Боровску, опирались только на работу Г. Зельницкого. Эти сведения приведены в книге В. В. Благовещенского «Боровск», они же использовались и в газетной публикации В. Осипова, и в работе В. Пухова «Боровск». Как видим, краеведов мало интересовала эта тема, но и те, кто обращались к ней, не пользовались уже давно опубликованными документами. Выходит, что невольно от широкого читателя скрываются интереснейшие материалы.

Разумеется, что такая ситуация не может оставаться неизменной. Необходимо расширить круг источников, посвященных затронутой теме. В ЦГИА и ЦГВИА мною выявлены боровские документы по Отечественной войне 1812 года, не публиковавшиеся ранее и не использовавшиеся в исследованиях, но дающие много интересных фактов. Из записок священников Боровска и уезда становится известно, что в 30-е годы XIX в. историк генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский рассылает для сбора сведений по 1812 г. по губерниям России анкеты для заполнения их представителями местных органов власти. Делу покровительствовал сам император Николай I, поэтому анкеты не остались пустыми. В июле 1836 г. Боровское Духовное правление пишет указ № 253, где поручает сбор сведений по 1812 г. благочинному настоятелю Благовещенского собора Алексею Сергеевичу Беляеву. Приводим полностью ответ священника церкви Бориса и Глеба А. С. Беляеву: «Его высокоблагородию Боровского Благовещенского собора отцу благочинному протоиерею Алексею Бе-

ляеву градской Борисоглебской церкви священнослужителей сведения.

Во исполнение указа из Боровского духовного правления на имя ваше последовавшего, честь имеем вашему высокоблагословению объяснить, что в 1812 г. во время нашествия на город Боровск неприятеля при нашей церкви особых достопамятных происшествий не было. Вход в церковь с северных дверей, хотя и был им разбит, но помещения касательно ризницы, сосудов и прочих церковных вещей, внимания достойных тоже не было. Потому что мною священником со старостою церковным достойные церковные вещи все были вывезены и паки в церковь сохранены доставлены. Июля 22 дня 18 1836 года. К сему сведению Борисоглебской церкви священник Алексей Яковлев руку приложил. К сему сведению той же Борисоглебской церкви диакон Иоанн Петров руку приложил. К сему сведению той же церкви понамарь Иван Тимофеев руку приложил».

Из подобных рапортов городских и уездных священников складывается довольно полная картина разорения французами русских храмов. Известно, что в Боровске были разорены церкви Спаса Преображения, что на площади (в ней французы устроили конюшню), Спаса Преображения, что на Взгорье, Успения, Рождества, Бориса и Глеба, Троицы, Благовещенский собор. Были сожжены деревянные церкви: Николы, приписанная к Благовещенскому собору, Сретенья в селе Высоком, Архангельская в Пушкарской слободе, которая к 1812 г. не действовала. В Боровском уезде были разорены церкви Архангела Михаила в селе Красное, Иоанна Предтечи в с. Уваровское, Варвары в селе Совьяки. В Пафнугьевом монастыре из 8 престолов сожжено было 4; ущерб составил 70 тыс. рублей.

Кроме рапортов священников, существует запись о количестве сожженных домов. В Боровске сгорели 874 дома (26 каменных и 848 деревянных). Имущество обывателей частично было вывезено. Ущерб городу составил 2304887 рублей. В Боровском уезде сожжено было 1505 домов, ущерб от этого составил 4106288 рублей. Таким образом, общий ущерб, нанесенный французами Боровскому уезду, составил 6.411.176 рублей. Для сравнения заметим, что ущерб, причиненный Малоярославцу, где произошло знаменитое сражение, был вдвое меньше: в Малоярославце сожжено 70 домов, а в уезде — 285, на сумму 3.196.607 рублей. О тяжести нанесенных Боровску ран красноречиво говорит тот факт, что на протяжении трех десятилетий XIX века город залечивал раны, нанесенные французами при отступлении. Многие купеческие семьи, разорившись, так и не смогли на старом месте восстановить свое хозяйство. Одна из ветвей рода Щукиных вынуждена была покинуть Боровск именно по этой причине. По доку-

ментам 1818 года И. П. Щукин «во время неприятельского на город Боровск нашествия и сожжения онаго города потерпели обще с братом его Боровским 2-й гильдии купцом Александром Петровичем Щукиным, невозвращенных убытков всего на сто семьдесят тысяч пятьсот рублей». Эта сумма складывалась из следующего: мыловарня (5 тыс. руб.), материал (40 тыс. руб.), солодовенный и пивоваренный заводы (15 тыс. руб.), вещей и материалов (15 тыс. руб.), 5 каменных лавок (7,5 тыс. руб.), каменный дом (5 тыс. руб.), 3 деревянных дома (10 тыс. руб.), в Москве товару на 10,5 тыс. руб., долгов на 30 тыс. руб. «С самого разорения оные должники Щукины в городе Боровске жительство не обзаводились, а проживают в Гжатском уезде без всякой промышленности».

Новые архивные документы, выявленные в ЦГИА, ЦГВИА, а также те, которые могут быть обнаружены в Калужском краеведческом музее и ГАКО, несомненно, позволят исследователям более полно показать события 1812 года на территории Боровского уезда.

Г. М. Журова

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ АНТИПИНЫХ В КАЛУГЕ

(по данным ГАКО и КГВ)

Архивные документы, дающие сведения о калужских купцах Антипиных, весьма скупы.

Известны имена Ивана Фомича Антипина и Фаддея Ивановича Абакумова, встречавшихся в Полотняном Заводе с А. С. Пушкиным в 1830 г.

Трудно говорить о личности И. Ф. Антипина. Биографических данных о нем в архиве нет, не сохранился (если и был) архив Антипина. Поэтому трудно говорить о значении и культурно-исторической ценности его книжной лавки, которую позже, в 1849 г., посещал Н. В. Гоголь, гостивший в Калуге у калужского губернатора Н. М. Смирнова и его жены А. О. Смирновой. И. Ф. Антипин, искренний почитатель А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, вероятно был незаурядным человеком. Он любил русскую литературу и многое сделал для привлечения читающей калужской публики к русской книге.

В журнале заседаний Калужской казенной палаты об утверждении в должности городского головы купца Антипина от 1831 г. сохранился интересный документ:

«Из Калужского губернского правления слушали господина гражданского губернатора от 12 июня коим изъясняя, что по донесению к нему оной думы от 30 мая № 445 утвердил в должность градского головы старшего кандидата купца Антипина, находящегося заседателем в палате уголовного суда...».

Сыновья Ивана Фомича, наследовавшие его дело, Иван и Андрей, книжной торговлей практически не занимались.

В декабре 1840 г. в деле Калужской городской думы зафиксирован еще один документ — прошение Почетного гражданина Калужского 1-й гильдии купеческого сына Ивана Ильича Антипина о вступлении после смерти отца в августе 1840 г. в права законного наследования вместе с младшими братьями, проживающими в одном доме. Братья Антипины Иван, Михаил, Семен, Тимофей, Николай и Павел получили капитал в 15 тысяч рублей серебром, звания купцов 1-й гильдии, право торговли.

О личности этого представителя семьи Антипиных говорят скупые строки некролога, помещенного в 34 номере КГВ за 1840 г.:

«6 сего августа, к общему прискорбию, скончался здесь почетный гражданин 1-й гильдии купец Илья Иванович Антипин. Не знаменитость рода и высокие титулы украшали имя сего честного Гражданина, умевшего соединить в себе прямодушие и доброту, коим был верен до конца своей жизни...»

Будучи отцом чадолюбивым, он таковым являлся и среди нищих, ежедневно толпами к нему приходивших с прошением...». Из того же некролога мы узнаем — И. И. Антипин имел награду: Золотую медаль на Александровской ленте.

КГВ от 16 ноября 1844 г. (№ 144, неоф.) поместили объявление, имеющее заголовок:

«Вновь открываемая библиотека для чтения журналов, газет и новейших книг с 1847 года купца Антипина» и далее текст объявления. «Наблюдая постоянно в продолжении многих лет за ходом Русской литературы и книжной торговли в особенности, убедился я, что одною из главнейших причин упадка последней, есть: дороговизна, не все имеют желание, а другие возможность приобретать плохие (весьма редко хорошие) издания книгопродавцев, по ценам до невероятности высоким!»

Есть только одно легкое средство для любителей чтения удовлетворить своей любознательности, это частно-публичные библиотеки; но почти всем известно, как удовлетворяют своих подписчиков содержатели библиотек...

Желая решительно удовлетворить два очень важных неудобства: дороговизну и неполноту... я открываю в городе Калуге библиотеку для чтения журналов, газет и новейших книг во всей возможной полноте, которая возьмет полное действие с 1 января 1847 года.

Журналы будут выписываться следующие:

1) Отечественные записки, 2) Библиотека для чтения, 3) Сын Отечества, 4) Современник, 5) Иллюстрация, 6) Финский вестник, 7) Московитянин, 8) Репертуар и Пантеон, 9) Листок для светских людей, 10) Санкт-Петербургские ведомости, 11) Литературная газета.

Это почти все литературные журналы, выходящие на русском языке. Сверх сего будет выписан *revue etrangere*. Журнал, читаемый многими с наслаждением и Ералаш, Альбом карикатур, создаваемый гг. Неваховым и Пальмом, пользующийся в Санкт-Петербурге огромным успехом.

Все новейшие замечательные книги, имеющие выходить в 1847 году, одобренные журналами, будут выписываемы немедленно. Цена за годовое чтение назначается 10 рублей серебром.

Собственно же моею библиотекою, составленною из лучших писателей, в которую по сие число (вошли) все замечательные новые книги количеством до 750 т., гг. подписчики пользуются безденежно.

Подписка принимается в книжном магазине моем, находящемся напротив гостинного двора в доме Калинина и в лавке моей, где производится продажа карт, оптовая и розничная продажа табаку, сигар и прочих товаров.

Привилегированный комиссионер купец Антипин».

Библиотека Антипина насчитывала 1300 названий и 4300 томов и имела 71 подписчика. Это была богатейшая по тем временам и гораздо более дешевая по сравнению с публичной библиотекой.

60-е годы библиотека Антипина имела 1925 названий и 5100 томов, 10 периодических изданий, 65 подписчиков.

С 1875 года книжная торговля Антипиных постепенно приходит в упадок.

Но уже в 1888 г. документы канцелярии Калужского губернатора вновь фиксируют открытие помещиком Антипиным публичной библиотеки с продажей книг. Это и прошение М. А. Антипина об открытии библиотеки, и рапорт калужского полицмейстера, характеризующий М. А. Антипина как «человека нравственных качеств хороших» и др. материалы.

Даже по столь скудным сведениям калужского архива и КГВ можно сделать вывод, что книжная лавка Антипиных играла значительную роль в культурной жизни Калуги.

Н. Н. Никитина
ВЫСЕЛЕНИЕ БЫВШИХ ПОМЕЩИКОВ ИЗ ИМЕНИЙ
В 1924—1928 гг.
(по материалам ГАКО)

Большой интерес вызывает сегодня вопрос о судьбе бывших помещиков в 1920-е годы. В изучении процесса их выселения из имений помощь исследователю могут оказать мало изученные материалы из фондов областных архивов.

После окончания гражданской войны некоторые бывшие помещики, в основном мелкопоместные, продолжали оставаться в своих имениях. Многие из них работали агрономами, лесничими, управляющими совхозами. С переходом к нэпу часть из них стала предпринимать попытки для возвращения ранее конфискованных имений. В мае 1924 года Наркомзем РСФСР обязал губернские земельные управления представить сведения о хозяйствах бывших помещиков и их владельцах: количество земли до революции, отношение к Советской власти, к окружающему населению, как ведется хозяйство в настоящее время — личным трудом или с применением наемной силы. На местах эта работа по проверке прав на землепользование бывших помещиков зачастую воспринималась как сигнал к началу массового выселения обитателей «помещичьих гнезд». В ряде губерний были созданы специальные комиссии для секретного руководства этой работой, для обеспечения видимости законности. В период сельскохозяйственной кампании в деревнях, где имелись бывшие помещики, поднимался кем-нибудь из граждан вопрос об их выселении, т. е. это выглядело как проявление желания крестьян по своей инициативе освободиться от бывшего эксплуататора, государственные учреждения оставались в стороне. Причины, побудившие Советскую власть «поставить вопрос о помещиках ребром» — их экономическое и политическое влияние на крестьянскую массу, особенно на кулака.

20 марта 1925 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах». В соответствии с этим постановлением подлежали выселению бывшие помещики из дворян и их семьи, а также бывшие крупные землевладельцы не из дворян и их семьи, в деятельности которых установлено наличие «кабального характера отношений с окрестным населением». Не подлежали выселению: а) бывшие земельные собственники трудового и полутрудового типа, земля которых приобретена при посредстве земельных банков (путем закабаления себя платежами за землю); б) лица,

активно боровшиеся в рядах Красной армии; в) имеющие особые заслуги, отмеченные постановлениями ЦИК и СНК СССР и союзных республик. При выселении отбиралось находившееся в пользовании помещиков национализированное хозяйственное имущество (постройки, сооружения, сельхозинвентарь). В случае приобретения их впоследствии самими землепользователями они признаются собственностью последних и могут быть вывезены ими или проданы на месте. Отображению не подлежали предметы домашнего обихода и питания, личные вещи.

Работу по выселению предполагалось завершить к 1 января 1926 года, она должна проводиться особыми комиссиями, создаваемыми при СНК АССР, исполкомах краевых (областных), окружных и районных Советов. В их состав входили представители земельных органов, ОГПУ, прокуратуры. Комиссии брали на учет всех бывших помещиков, оставшихся в своих имениях, решали вопрос об их выселении или оставлении на месте «по причине отнесения к трудовым землепользователям».

В Калужской губернии подготовительная работа по выселению бывших помещиков началась с июня 1924 года, когда началась обязательная регистрация бывших помещиков. Специальная комиссия рассмотрела 294 вопроса, по ряду из них вынесены постановления о выселении, но в исполнение они в этот период не приводились.

11 июня 1925 года эта комиссия была переименована в Губернскую комиссию по выселению бывших помещиков. Ее работа сводилась к рассмотрению поступившего с мест регистрационного материала и жалоб на ранее вынесенные постановления о выселении. В июле — августе 1925 года оформлены уездные комиссии по выселению для производства описи имущества и дополнительного выявления бывших помещиков.

С начала работы по выселению бывших помещиков до 1 августа 1926 года состоялось 38 заседаний Губкомиссии, где рассмотрено 1130 вопросов, связанных с выселением и изъятием имущества у выселяемых. На учет в губернии взято 506 семейств, из них подлежало выселению по постановлениям Губкомиссии и Губисполкома 261 семейство (52 % взятых на учет). Бывшие помещики направляли жалобы в Губисполком, Губернскому прокурору, в НК РКИ, во ВЦИК и лично М. И. Калинину. Вследствие рассмотрения жалоб число подлежащих выселению семейств сократилось до 165 (33 % взятых на учет).

На 1 октября 1926 года фактически выселено 130 семейств (79 % подлежащих выселению, 25 % — взятых на учет). Осталось проживать в своих имениях 376 семейств, из них 306 семейств

оставлены по постановлениям Губкомиссии и Губисполкома, 29 — по постановлениям ВЦИК (остальные — причины в отчетах не указаны).

Мотивы оставления в прежних имениях определялись в точном соответствии с постановлением ВЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 года. Наибольшее число семей (162 из 306, или 54 %) оставлено Губисполкомом по мотивам неотнесения к бывшим помещикам (хуторские хозяйства, трудовые крестьянские хозяйства; лица, имевшие незначительное землевладение до революции; земля приобретена через банки). 124 семейства (95 % выселенных из имений) остались проживать в пределах губернии.

Выселенные помещики обычно уезжали в города, переселялись к родственникам, некоторые были вынуждены проживать в амбарах, сараях. Сроки завершения выселения неоднократно менялись (затягивалось рассмотрение жалоб, принятие решений). Кампания по выселению бывших помещиков закончилась в сентябре 1928 года. (Президиум ВЦИК принял решение не принимать к производству дела о выселении бывших помещиков. К концу 1927 года на территории РСФСР взято на учет 10756 бывших помещиков, подлежали выселению 4112 (40 % взятых на учет). У них изъято 40 тыс. десятин земли и на 4 млн. рублей хозяйственного имущества, переданного государственным организациям и местным Советам. Кампанию по выселению нельзя охарактеризовать как удачную, если судить по цифровым результатам, то это была «разведка», репетиция будущего раскулачивания: отрабатывались формы и методы, которые будут применяться позже для борьбы с «классовыми врагами», многим из участников которой предстоит стать действующими лицами трагедии 1929 — начала 30-х годов.

Н. В. Марченко

МАТЕРИАЛЫ О КАЛУЖСКОМ И ОБНИНСКОМ НАРОДНЫХ ФРОНТАХ 1989—1990 гг.

Перестройка затронула все стороны общественной жизни. Она изменила положение людей, расширила спектр реализуемых ими интересов. Характер общественной практики определился новыми состоянием и противоречиями общественного сознания.

К наиболее существенным переменам жизни советского общества следует отнести начавшееся в 1988—1989 гг. формирование новой политической системы: переход от однопартийной к многопартийной системе; свободно и демократически избранных Советов; законодательно оформленного разделения партийной и государственной функций. Этот период отмечен бурным развитием самодеятельных организаций, что явилось одной из форм воплощения альтернативных подходов людей к жизненным проблемам, реализации принципа плюрализма. Широкими объединениями разнородных политических групп, выступавших на общедемократической платформе, стали Народные фронты. На начало 1990 г. таких насчитывалось в стране около 140.

В Калужской области первое общедемократическое объединение под названием Народный фронт (ОНФ) возникло в г. Обнинске в январе 1988 г. В силу особенностей политической ситуации в городе в тот период организация в основном активно работала через существующие официальные структуры. Эта деятельность способствовала повышению политической активности жителей города.

В ходе избирательной кампании в Верховный Совет СССР в 1989 г. родилась Калужская демократическая организация «Калужский народный фронт» (КНФ). Объявление о его создании было сделано 24 июня 1989 г. на встрече общественности с народными депутатами СССР от Калужской области в Доме политического просвещения. Деятельность КНФ характеризовалась оппозиционным отношением к партийным и советским органам в городе. При активном участии КНФ были созданы альтернативные структуры: городской клуб избирателей и партийный клуб.

В период деятельности Обнинского и Калужского Народных фронтов была проведена работа по созданию источниковедческой базы, дающей возможность изучить причины возникновения, цели и задачи, методы и результаты деятельности этих организаций.

Целью данной работы является характеристика собранных материалов, которые можно разделить на следующие группы: 1) документы, отражающие цели и задачи, идейные и организационные принципы; 2) документы о деятельности организаций;

3) выделенные из второй группы документов — издания; 4) вещественные материалы.

К первой группе относятся уставы, программы, декларации и другие документы. В них содержится обоснование широкого движения в поддержку перестройки «снизу», т. к. «неорганизованный народ не может контролировать обстановку в стране». Уставы предусматривают порядок образования, принципы и характер деятельности, права членов организаций. Так ОНФ — это общественно-политическая организация граждан города, объединяющая на добровольной основе активных сторонников перестройки, действующая на принципах демократического федерализма. Так как КНФ осенью 1989 г. разделился на две организации «Движение за перестройку» (с первым уставом) и «Оргкомитет по созданию Народного фронта», в коллекции имеются несколько вариантов уставов. Наряду с другими документами они отражают творческий процесс выработки уставов, а также идейные и организационные различия между образовавшимися организациями. На характере первого устава отразилось влияние группы «Движение за коммуны»: «КНФ — общественная организация, объединяющая на добровольной основе жителей города на принципе конфедерации с целью развития общественного самоуправления». Устав «Оргкомитета по созданию Народного фронта» провозглашает КНФ общественно-политической организацией, объединяющей прогрессивные силы города, действующей на принципах конфедерации. В основу деятельности ОНФ и КНФ были положены общечеловеческие ценности.

Программы организаций — объемные, основательно проработанные документы, которые выдвигают задачи в разных областях: государственной и общественной жизни, экономики, культуры, образования и науки, прав человека, экологии. Они направлены на демократизацию общества и его нравственное обновление.

Следующая группа документов обширна и разнообразна, обладает большой информативностью. Это повестки дня, протоколы, резолюции митингов, листовки, обращения, объявления, подписные листы, лозунги, переписка и т. д. Они характеризуют отношение членов КНФ и ОНФ к происходящим в стране и в городах событиям, их гражданскую позицию, рассказывают о политических акциях, о предвыборной и другой деятельности, в т. ч. благотворительной. В них отражено желание привлечь в свои ряды как можно больше людей. В то же время документы (прежде всего КНФ) свидетельствуют о том, что среди членов организаций не было полного единства. Так Бюллетени координационного Совета КНФ дают представление о характере полемики.

Пропаганда своих идей и организаций нашла отражение в самиздательской деятельности. КНФ выпускал «Информационный вестник» тиражом 11 экз. Всего вышло 4 номера. Все они имеются в коллекции. Издательская деятельность ОНФ была разнообразной: выходили с 27 марта 1989 г. «Информационный бюллетень ОНФ», приложение «Дайджест независимой прессы» и с 11 октября 1989 г. литературно-публицистический журнал «Русич». В нашей коллекции есть некоторые экземпляры. На страницах перечисленных изданий опубликованы нормативные документы, статьи о деятельности организаций, анализ политической ситуации в стране, юридические консультации и другая, в т. ч. литературная продукция.

Характеризуя документы КНФ и ОНФ как музейные предметы, следует сказать, что при большой информативности они обладают слабой аттрактивностью, за исключением лозунгов.

Четвертая группа, вещественные материалы, малочисленна, — всего три предмета. Это аксессуар: бант из трех ленточек белого, голубого и красного цветов; картонный значок, представляющий собой прямоугольник с тремя (белой, синей, красной) полосами и надписью «Народный фронт» на белой полосе; картонный квадрат с номером «35», принадлежащий члену КНФ с правом совещательного голоса Н. Полищину. Такими номерами пользовались на заседаниях для записи на выступления.

Т. о., собранная коллекция материалов содержит довольно полную информацию о деятельности ОНФ и КНФ в период 1989—1990 гг. и позволяет квалифицировать эти общедемократические объединения характерными для определенного периода в развитии политической системы как переходные к многопартийности.

А. А. Зорин

ДМИТРИЙ МАРКОВИЧ ПОЛТОРАЦКИЙ И ЕГО УСАДЬБА АВЧУРИНО

Усадьба Авчурино была хорошо известна в России на протяжении всего XIX века. А начало этому было положено в 1792 г., когда у князя Гагарина это имение купил Дмитрий Маркович Полторацкий, сын известного музыканта, директора дворцовой капеллы в Петербурге. Родился Дмитрий Маркович в 1761 году, получив домашнее образование, учился в Страсбургском университете. Затем, после путешествия по Европе, в Эдинбургском университете.

Вернувшись в Россию в конце 1784 года, он приступил к службе в Преображенском полку в чине подпоручика. Затем, в 1787 году, переводится на статскую службу и отправляется в Данию секретарем для переписки на разных языках.

После свадьбы Дмитрия Марковича Полторацкого и Анны Петровны Хлебниковой, он начинает заниматься сельским хозяйством. Приобретается Авчурино с целью использовать здесь самые передовые идеи и опыт Англии в земледелии. Это имение должно было стать примером для помещиков, «первой ласточкой» преобразования сельского хозяйства России. Получив кредит, Полторацкий покупает за границей различные земледельческие орудия, приглашает управляющего — шотландца Мейна.

В обычном хозяйстве того времени господствовал трехпольный севооборот, состоявший из ярового, озимого полей и пара. Пахали сохами, сеяли вручную, обмолачивали цепями. У Полторацкого севооборот четырехпольный. Первое поле — картофель, второе — яровые с подсевом клевера. Третье — клевер и последнее — озимые. Применение клевера улучшало плодородие почвы, можно было держать скот в большом количестве, что в свой черед снимало проблему удобрения полей. Впервые в Авчурино картофель посадили на больших площадях.

Для обработки почвы применялась целая система орудий: различные плуги, бороны, самополки (культиваторы), катки, сеялки. Пользовались и сохой, но усовершенствованной Мейном — с регулируемой глубиной вспашки. Впервые в России были применены молотильные машины на конном приводе.

Внедрялись Дмитрием Марковичем зарубежные сорта культур: английский овес, ячмень, пшеница, скороспелый горох. На скотном дворе были собраны лучшие породы скота того времени. Гордостью Полторацкого был устроенный им конный завод с английскими и арабскими жеребцами. В целом Авчуринское хозяйство было более производительным, чем обычные.

Заново была перестроена деревня, так что у каждого крестьянина был хороший дом и земля около него, причем 1 участок давался на две семьи. Таким образом Полторацкий решил вопрос о том, как сохранить 4-польную систему земледелия на небольшом наделе. Для работы крестьянам выделялись плуги и лошади. Применялась денежная оплата с премиями.

Дмитрий Маркович стремился распространить свой опыт, изготовлял и продавал за сходную цену молотильные машины, плуги и другие орудия. Бесплатно обучал крестьян других помещиков новым приемам земледелия. В 1818 году благодаря Полторацкому и другим энтузиастам было организовано Московское общество сельского хозяйства. При нем Полторацкий предложил организовать опытную ферму со школой управляющих.

Умер Д. М. Полторацкий в 1818 году.

Основные работы по перестройке усадьбы начались в 1803 году. Был пристроен флигель к главному дому, возведен конторский флигель, многочисленные хозяйственные постройки. Разбит парк в английском духе. Позже, в 1819—1823 годы архитектором В. П. Стасовым перестраивается церковь и устраивается при ней склеп Полторацких. Зданию был дан облик, напоминающий византийскую базилику. Стасовым сооружается беседка-ротонда в парке.

В сороковые годы XIX века Сергеем Дмитриевичем Полторацким строится готический флигель для библиотеки.

Д. Д. Лотарева

РУССКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МАСОНСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

К постановке проблемы

1. В настоящее время историки все больше внимания начинают уделять жизни русского провинциального человека. Развитие просветительских и культурных тенденций в губернских и уездных городах рассматривается как особенный феномен русской истории. Необходимо изучение конкретных механизмов осуществления принципов философии просвещения в провинциальном образованном обществе.

2. Представляется, что русские масонские ложи, распространившиеся в указанный период и в обеих столицах, и в провинциальных городах, явились прежде всего культурными очагами, занимавшимися просветительно-благотворительной деятельностью. Этому способствовали принципы философии вольных каменщиков, тесно смыкавшиеся с просвещенческими.

3. Как правило, недостаточная сохранность источниковой базы не позволяет установить точную фактическую историю существования и деятельности той или иной ложи. В то же время накоплен достаточный исследовательский материал, дающий возможность разработать методические принципы выявления и изучения провинциальных «масонских мастерских». Обычно на ее базе могли возникнуть больницы, дома призрения ближнего; начинали издаваться журналы, развивались театральное искусство, литература, книжное и издательское дело. Примером может служить деятельность ложи А. П. Мельгунова. Схема ее деятельности применима для рассмотрения работ масонских организаций в Тульской губернии и Калуге.

4. Зачастую хранящиеся в провинциальных архивах и музеях провинциальных городов нарративные и вещественные источники не атрибутируются как масонские, хотя они возникли в связи с развитием масонских идей в обществе. Необходим сравнительный анализ описанных собраний Российской государственной библиотеки и Государственной публичной библиотеки и местных архивов с целью выявления масонских документов. В качестве дополнительного источника возможно использование местных легенд и преданий о вольных каменщиках. Другим свидетельством могут служить градостроительные памятники в силу особого статуса искусства архитектуры в масонской микрокосмической модели.

5. В качестве отдельной проблемы изучения провинциального масонства следует выделить связи его со столичными масонскими организациями.

6. Особенную роль следует уделить изучению круга лиц, вовлеченных в масонскую практику. Как правило возникновение провинциальных лож связывалось с деятельностью одного человека или круга лиц, тесно связанных между собой и заинтересованных вопросами образования, культуры, просветительства в целом.

Г. И. Доманова

ФЕДОР ЗАХАРОВИЧ И АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА КЛЮЧАРЕВЫ В ИСТОРИИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ И ШАМОРДИНО

Среди известных имен захороненных на территории некрополя монастыря Оптиная Пустынь значатся Ф. З. Ключарев (о. Федор) и А. Н. Ключарева (м. Амвросия). Их монашеская жизнь в период 50—80 гг. XIX в. была тесно связана с историей Предтеченского скита Оптиной Пустыни и основанием Казанской Амвросиевской женской пустыни при с. Шамордино.

«Фамилии Ключаревых многие Российскому Престолу служили в разных чинах и жалованы были от Государей в 1628 и других годах поместьями». Тульский дворянин Ф. З. Ключарев родился 16 января 1810 г. в с. Иваровка Богородицкого уезда Тульской губернии. В апреле 1828 г. Ключарев поступил на службу в Лейб-гвардии гусарский полк унтер-офицером, а в январе 1833 года уволился со службы в чине штаб-ротмистра по «домашним обстоятельствам». В 1836 г. Ф. З. Ключарев был определен почетным смотрителем Богородицкого уездного училища. В сентябре 1844 года он был удостоен звания надворного советника. Был женат на дочери поручика Мартемьяновой Александре Николаевне. Мирская жизнь супругов Ключаревых закончилась к концу 50-х годов XIX в. У Ф. З. Ключарева к этому времени появилось неотступное желание связать свою жизнь и жизнь жены с монастырем.

Первые сведения о пребывании Ф. З. Ключарева, богатого тульского помещика, в Оптиной Пустыни относятся к октябрю 1859 г., когда в скиту была пристроена к колокольне келья для приема посетителей. «19 октября окончено строительство и была освящена (келья) в присутствии Федора Захаровича Ключарева, о. игумена Антония, батюшки о. Макария. После молебна все присутствующие были угощены чаем». Летопись скита Оптиной пустыни указывает на «особое усердие» Ф. З. Ключарева в отпуске средств на золочение иконостаса и обновление живописи в малой Казанской теплой церкви.

В январе 1860 г. Ключарев посетил скит. В марте 1860 г. он получил в Калуге благословение от Владыки о вступлении в монастырь и разрешение при себе иметь сына. С этого времени Ф. З. Ключарев числится послушником в Предтеченском скиту. В мае 1860 г. в скиту после молебствия был заложен новый корпус, получивший название — корпус Ключарева. Это корпус с мезонином «самый большой по своим размерам среди братских келий, он заметно отличается от них наружным видом». В корпусе вместе с кельями, на II этаже долгое время размещалась

библиотека скита, а в годы I мировой войны — богодельня для монашествующих. Сам Ф. З. Ключарев, вкладывающий в скит и монастырь довольно крупные средства, не оставлял без внимания и свое родовое имение Иваровку. Летопись скита за 1867, 1870 годы указывает на длительное (по полгода) отсутствие Ключарева в скиту.

21 июля 1872 г. Ф. З. Ключарев (о. Федор) скончался.

Его жена — Александра Николаевна «хотя и была веселого характера и не имела большой склонности к монашеской жизни, но все же была глубоко верующая». Она подчинилась настоятельным желаниям и просьбе мужа и поступила в Белевский женский монастырь. Затем жила в корпусе на территории гостиниц Оптиной Пустыни. Купив в 1871 г. Калычинское имение в 12 верстах от Оптиной Пустыни, она завещала его внукам, а после их смерти для устройства там Казанской женской общины (Шамордино). Истории монашеской жизни м. Амвросий (в миру А. Н. Ключаревой) посвящено немало страниц в описании Казанской Амвросиевской женской Пустыни. На содержание общины — сестер и священника м. Амвросия положила небольшой капитал. В 1881 г. А. Н. Ключарева скончалась, вскоре умерли от дифтерита ее внучки — Вера и Люба. С 1884 г. завещание вступило в силу.

В настоящее время в корпусе Ключарева размещается историко-литературный отдел Козельского краеведческого музея, а Казанская Амвросиевская женская Пустынь переживает второе рождение.

В. А. Иванов

ОБНАРОДОВАНИЕ МАНИФЕСТА И «ПОЛОЖЕНИЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.» В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

1. Отмена крепостного права в России — одна из наиболее разрабатываемых проблем в отечественной историографии. В научный оборот введены многие разновидности официальных документов, позволяющих проследить процесс реализации реформы в разных регионах страны. Интересные сведения по этому вопросу содержат не только материалы официального делопроизводства, но и источники личного происхождения: дневники, мемуары (воспоминания), письма, которые до сих пор не привлекли должного внимания исследователей.

2. В настоящем сообщении предпринята попытка по воспоминаниям современников осветить подготовку реформы 1861 г. в Калужской губернии. Мемуарная литература, несмотря на свои недостатки (субъективное отражение действительности, фактические неточности и т. п.) содержит живые и наиболее яркие, эмоционально окрашенные отклики современников на прошедшие реалии, дает возможность почувствовать живой дух изучаемой эпохи.

3. Об отмене крепостного права в Калужской губернии рассказывают на страницах своих воспоминаний бывшие сослуживцы губернатора В. А. Арцимовича («лучшего губернатора в России» — выражение А. И. Герцена), возглавлявшего в 1858—1862 гг. местную администрацию. Это чиновники губернаторской канцелярии Н. В. Сахаров, А. А. Муромцев, мировой посредник первого призыва, известный публицист и общественный деятель П. Н. Обнинский, судебный следователь М. Д. Бутурлин — сын крупного библиофила и военного историка Д. П. Бутурлина, член от правительства на мировых съездах П. Н. Грешищев. Среди названных авторов наиболее интересным является произведение Сахарова «Объявление «воли» в Калужской губернии (Из материалов к биографии В. А. Арцимовича)», написанное и впервые опубликованное в 1899 г. в журнале «Русская мысль» (№ 9). Мемуары Сахарова ценны в том отношении, что они передают личные впечатления чиновника, принимавшего непосредственное участие в обнародовании законодательных актов реформы 1861 г.

4. Глазами участника событий Сахаров в деталях описывает разработанный Арцимовичем план отмены крепостного права. Губернатор, трезво оценивая сложившуюся в губернии обстановку, враждебное отношение дворянства к реформе, распорядился объявление «воли» провести в течение одного дня. С этой целью, отмечает мемуарист, вся губерния была разделена на 167 неболь-

ших участков, в которые направлялись «лучшие» и «достоинные» чиновники для чтения Манифеста и «Положений». «Вводя в это важное дело чиновничий элемент, — пишет Сахаров, — В. А. Арцимович имел в виду... то... соображение, что так как крестьянская реформа в своем законченном, утвержденном верховною властью виде, исходила от правительства, то естественно, что органам его и подобало обнародование этой реформы» (с. 3). По общему мнению современников (Грешищева, Обнинского и др.), при отборе кандидатов Арцимович обращал главное внимание не на социальное происхождение, титулы и звания чиновников, а на их деловые и личные качества, преданность и сочувствие делу освобождения крестьян. Таким образом, подбор лиц для участия в проведении реформы 1861 г. не был случаен, а строго определялся интересами ставшей на путь реформаторской деятельности либеральной части дворянства.

Командированные чиновники из огромного законоположения должны были читать только статьи, отмеченные губернатором, в которых говорилось не только об обязанностях крестьян по отношению к помещикам, но и о тех правах, которые давала им реформа. Каждому чиновнику, вспоминает Сахаров, выдавалась брошюра с правилами обнародования высочайших документов. Так, например, чиновникам разрешалось вручать крестьянам «Положения» только в присутствии помещиков или их представителей и наоборот, чтобы «крестьяне знали и видели, что им и помещикам объявляется и вручается один и тот же закон, что отныне будет жизнью их править эта «законная царская книга», а не произвол равного теперь перед нею барина их» (с. 6). Губернатор запретил чиновникам комментирование статей и требовал держаться их буквального смысла. В противном случае «...по поводу одного и того же вопроса, — замечает мемуарист, — со-здалось бы печальное «второзаконие» притом с легальными последствиями. А этого меньше всего желал кто-либо из лиц, преданных крестьянскому делу» (с. 13). В случае необходимости допускалось повторное чтение статей «Положений». Арцимович распорядился, чтобы все чиновники при объявлении указов имели мундиры. «В стране мундиров, — пишет автор, — это было необходимо для внушения народу большего доверия к вестникам возвращенной ему свободы» (с. 12). Наконец, для обеспечения надлежащего порядка при обнародовании Манифеста и раздаче «Положений» губернатор отдал специальный указ прислать по городскому для каждого отъезжающего в уезд чиновника (с. 13).

5. Таким образом, мемуары Сахарова — лица хорошо осведомленного, не доверять которым у нас нет оснований (свидетельства мемуариста не противоречат показаниям других источников), содержат ценный фактический материал, свидетельствующий, как с помощью тщательно продуманной системы мер, либеральный губернатор (справедливости ради заметим, что либерализм Арцимовича не выходил за рамки точного следования буквы законодательных актов реформы), опираясь на небольшую когорту искренних и убежденных сторонников реформы, объединенных одинаковым пониманием предстоящих задач, рассчитывал не только ослабить крепостнические вождедения калужского дворянства, но и предотвратить крестьянские выступления, короче говоря, обеспечить действительное исполнение Манифеста и «Положений» в желаемом для законодателя направлении.

Л. И. Потапова

КРЕСТЬЯНСКИЕ ПРОМЫСЛЫ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Закономерности и особенности становления и развития капиталистической формации в России с неизбежностью ставят вопрос об изучении крестьянских промыслов. Одной из наиболее «промышленных» губерний была Калужская.

Еще до отмены крепостного права славились своим мастерством плотники, кожевники, прялочники и другие мастера. После 1861 года крестьяне получили на одну ревизскую душу от 2 до 4 десятин земли. Если вспомнить, что земли эти отнюдь не чероземные, да и на один двор приходилось в среднем не 16, а 8 десятин, то станет понятна экономическая необходимость занятий промыслами. Промыслы были источником дополнительных доходов в бюджет крестьянской семьи. Кроме того, промыслы делали крестьян более подвижными, позволяли увидеть новые места, новые города, обогащали и расширяли кругозор. Но с другой стороны, они усиливали социальную неоднородность крестьянства. Из сельской буржуазии вырастали Ерохины, Щепочкины, Морозовы, Солдатенковы, Боткины, Третьяковы и т. д.

За сто лет до 1861 года данные мануфактур-коллегии свидетельствуют о распространенности ткацкого дела в Калужской губернии. Так, в 1769—74 гг. были проданы 40 билетов на ткацкие станы в Малоярославецком уезде, 40 — в Перемышльском, 40 — в Серпейском, 40 — в Боровском, 15 — в Козельском, 40 — в Лихвинском, 40 — в Мещовском, 15 — в Мосальском.

Исследователи кустарной промышленности в 80-е годы XIX века определяли средний заработок в 500 млн. руб., а на отдельного человека приблизительно 102,9 руб. Средний же заработок крестьянина-земледелца составлял 43,9 руб.

Мелкие крестьянские промыслы перерастали в мануфактуру и смыкались в единый строй с фабрично-заводской промышленностью. Так происходило с текстильными промыслами в Боровском, Малоярославецком, Калужском, Медынском уездах. Появились примитивные заводы по производству дегтя, выросшие из обычных производств в «казанах», такие «заводы» были в д. Березовка Жиздринского уезда и д. Галчан Перемышльского уезда и т. д. (Полотняный завод).

Женский и детский труд стал широко использоваться в пореформенную эпоху, и к концу 80-х годов количество женщин и детей, занятых в ткацком промысле, почти удвоилось по сравнению с 60-ми годами.

Четко прослеживается процесс вытеснения промыслов фабрично-заводским производством. Население Калужской губернии занималось 120 видами различных промыслов. Это и старые, традиционные, связанные с обработкой льна и дерева, и новые — производство прялок, обработка металла.

Процесс первоначального накопления капитала носит противоречивый характер, углубляет социальную дифференциацию, создает буржуазию, превращает часть крестьян в чистых пролетариев. Рынок приводит к появлению новых промыслов и сокращению или исчезновению старых.

Вопрос о земле это главным образом вопрос о собственности на землю. Наличие частной помещичьей собственности и общинной крестьянской, невозможность или, точнее, трудности с продажей своего надела и исключение наделной земли из торгового оборота усиливали особенности капиталистической эволюции России. И, несмотря на попытки крестьян улучшить свое материальное положение с помощью промыслов, делало аграрный вопрос — главным в экономической и общественной жизни страны.

ЖИЗНЬ КАЛУЖСКОЙ ДЕРЕВНИ 20-х ГОДОВ В ОСВЕЩЕНИИ ГУБЕРНСКОЙ ГАЗЕТЫ «КОММУНА»

В настоящее время возрос интерес к общественно-политической жизни деревни 20-х годов. Калужская губерния, преимущественно крестьянская по населению, в этом плане представляет значительный интерес. Периодическая печать того времени, в частности губернская газета «Коммуна», несмотря на идеологический контроль, сообщала многообразные факты из жизни крестьян, на основании которых можно сделать некоторые наблюдения об общественно-политической жизни Калужской деревни.

Увеличение количества «крестьянских» материалов примечательная черта периода 20-х годов.

Крестьяне села Тырново Бабынинской волости писали в губернскую газету следующее: «Сейчас в газетах только и пишут о смычке и увязке крестьян с рабочими, на всех собраниях только и толкуют, чтобы обратиться к крестьянам лицом... читаешь и радуешься в душе, наконец-то власть вспомнила о «мужике» и в конце делают вывод, что все это «газетные крики» и «пустые слова» и что «крестьяне поголовно озлоблены советской властью и никогда не поддержат ее».

Для того, чтобы экономические преобразования стали необратимы, партия стремилась изменить и духовную сферу, в которой шла борьба в первую очередь против церкви, как носителя другого мировоззрения и образа жизни. Изменить психологию крестьян одними запретами было невозможно, это хорошо понимали идеологи партии, и они стремились к замене религиозных традиций и обычаев на советские, а точнее коммунистические. В печати и в агитационных листовках рисовались карикатуры, высмеивающие бога и попов, практиковались административно-уголовные меры против служителей культа.

Газета помещала описание «красных свадеб», регистрации их в Советах, «октябрин» и т. д. Коммунисты или комсомольцы организовывали новые, нерелигиозные праздники, такие как День урожая, День леса и другие. Для пропаганды «нового образа жизни» и для поднятия общего культурного уровня среди крестьян в деревнях создавались избы-читальни (народные дома), школы, клубы и т. д. В селе Щелканово Мещовского уезда была создана единственная в Калужской губернии школа крестьянской молодежи, в которой изучали русский язык, обществоведение, природоведение, читались лекции по сельскому хозяйству. Так, в одной из партийных резолюций Губкома в связи с культурно-просветительской работой отмечалось, что «наметился стихийный рост культурного творчества среди деревенских масс... стихийно

растут кружки, стенгазеты, растет тираж крестьянских газет» и в конце ставилась задача поставить это движение под идейный и организационный контроль и руководство партии, в частности через партийные ячейки в деревнях.

Были случаи, когда крестьяне сами обращались к советской власти за помощью. Так в одной из деревень губернии родители сосватали свою дочь без ее ведома и, стремясь спастись от нежеланного замужества, девушка укрылась в сельсовете, после чего на собрании ячейки РЛКСМ был обсужден этот вопрос и сделка родителей была аннулирована.

Особое внимание в политической работе партии в деревне делалось на изменение положения женщин. Все чаще женщины стали приходить на общедеревенские собрания и даже выбирать членами сельсоветов. Таким образом, партией решалась задача превратить «женщину-домохозяйку» в «женщину-общественницу».

Коммунистам с целью укрепления своей власти в деревне приходилось бороться против влияния зажиточных крестьян, кулаков, бывших помещиков, священнослужителей, городских, стражников, преуспевающих работников кооперации и просто торговцев. Эти категории граждан России лишились избирательных прав и не только лично, но и их родственники, для них ограничивались и экономические свободы. В печати их называли не иначе как «кровосос-паук», «мироед», крестьяне, симпатизирующие кулакам, именовались «кулацкими приспешниками» и «подкулачниками». Классовая политика партии в деревне делила крестьян на разные категории, вносила в деревенский мир и воспитывала ненависть среди различных слоев крестьянства.

Крестьяне желали видеть в деятельности любых организаций в деревне положительный результат, и такая позиция сказывалась и на активности крестьян как в перевыборах местных советов, так и на работе крестьянских комитетов взаимопомощи. Так, пленум Калужского губисполкома в октябре 1925 года отметил, что в перевыборах сельских Советов в среднем участвовало 40—45% крестьян, имевших право голоса, еще меньший процент составляли среди них женщины.

Наряду с вновь создаваемыми организациями в деревне сохранились общинные отношения. Крестьяне как и прежде решали свои проблемы на общих сходах «всем миром» и не по чьей-то воле, а по собственной инициативе.

Общественно-политическая жизнь 20-х годов имела как бы двойственный характер, не потеряв до конца старых традиций, крестьяне постепенно привыкали жить по-новому.

С. И. Личенко

КАЛУЖСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

XIX — нач. XX вв.

Обряды и обычаи русской деревни XIX — начала XX вв. разнообразны и сложны.

Весь комплекс обычаев и обрядов, бытовавших в пределах Калужской губернии, с учетом существующей в науке классификации, можно разделить следующим образом: 1) семейная обрядовость (свадебный, родильный, крестильный, похоронный обряды); 2) обряды аграрного цикла. Систематизация и анализ этнографических материалов, посвященных калужской свадьбе, обусловили необходимость исследования данного ритуала в разных аспектах: с экономической, социальной, религиозно-магической сторон как произведение устно-поэтического творчества, как драматическое действие. Калужская свадьба представляет собой локальный вариант южнорусской свадьбы и включает следующие обряды: 1) предсвадебный период (сватовство, смотрины, пропой и др.); 2) венчание, бракосочетание; 3) послесвадебные обряды (одаривание, почестные, ряжение и др.). Состав и последовательность обрядов и отдельных элементов в каждом обряде варьировались. Свадебные чины — участники свадьбы — были весьма многочисленны. Кроме свадебных чинов, выполнявших определенные обязанности, в свадьбе принимали участие родственники, знакомые, а также жители всего селения.

Похоронная обрядность, бытовавшая в губернии, подразделяется в основном на три этапа: подготовка умершего к погребению, погребение, поминки. Все ритуалы погребально-поминальной обрядности изначально были связаны с древними представлениями о загробном существовании души человека и с культом предков. Пережитки культа предков в русском крестьянском быту сохранились и в двадцатом столетии. Быт калужских крестьян не составил в данном случае исключения. По представлениям культа предков живые и мертвые считаются как бы сторонами нерасторжимой родственной группы. Предки способствуют воспроизведению человеческого рода, обеспечивают его процветание, а потомки заботятся о предках, не забывают их в своей повседневной жизни, отдавая дань их памяти в особо торжественных и ответственных событиях. Погребальные обычаи и обряды направлены на то, чтобы задобрить умерших, и вместе с тем оградить себя от действия смертоносной силы. Определенную функциональную направленность в погребальных и поминальных обрядах имела одежда и отличалась характером покроя, материалом, цветом, способом изготовления.

Родильные обычаи, имевшие место на территории Калужской губернии, можно разделить на несколько этапов: родины, крестины и послекрестильные — очистительные обряды. В отдельных случаях для реконструкции той или иной части обряда возможно привлечение обрядовых атрибутов, например полотенца. Так стилистический и семантический анализ сюжетного изображения на одном из калужских полотенец позволяет с полной уверенностью говорить о существовании в родильной обрядности калужских крестьян ритуала «размывания рук» роженицы и повивальной бабки, бытовавшего и в других губерниях России. Обряд «размывания рук» носил очистительный характер, обеспечивал женщине и в дальнейшем возможность иметь детей, был связан с культом предков, т. к. проводился в местах, которые народное сознание связывало с умершими родителями: в бане, под матицей, у печного столба.

Обряды аграрного цикла, бытовавшие в губернии, были очень многочисленны. Описания некоторых из них остались в этнографической литературе, как то «закливание весны», «вождение кобылки», «опахивание», «медвежья комедия», масленица. В современной этнографической науке выделяют два цикла в народном земледельческом календаре: 1) обряды, направленные на обеспечение урожая; 2) обряды, сопровождающие получение урожая. В связи с сезонностью можно выделить в первом цикле зимние праздники и обряды и весенне-летние; во втором — летние и осенние. Основные функции разного рода ритуалов аграрного цикла были связаны с продуцирующей и апотропейной магией. Особую роль в калужских народных обычаях и обрядах играли костюм и другие материальные атрибуты. Они были самым непосредственным образом связаны с магической символикой. Многие символы когда-то имели магическую основу, восходя к апотропейной, карпогонической (изгнание нечисти), катартической (очистительной) и другим типам магии. Но в XIX — начале XX вв. в Калужской губернии, как и на территории всей России, неуклонно шел процесс трансформации обычаев и обрядов, утрачивалась их религиозно-магическая основа, обряды во многом приобретали характер праздничного развлекательного действия.

Л. А. Козыро

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЗМА
«ЗАПИСОК КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ»

Е. Р. Дашкова — одна из выдающихся русских женщин XVIII века.

Судьба Дашковой тесно связана с калужским краем. Ее любимое прибежище — имение Троицкое: «...я довольна своей жизнью в Троицком и предпочитаю его всем другим местам в России». ¹ В Троицком и создавались «Записки».

Неоднозначность воспоминаний Е. Р. Дашковой определялась уже установками самой мемуаристки. С одной стороны — «Я пишу историю своей жизни, а не историю своего времени...» (90), с другой — «эти мемуары должны быть зеркалом не только моей жизни, но и того духа, который влиял на меня...» (77). Потому в повествовании два плана: история екатерининской эпохи и история человека в предложенных эпохой обстоятельствах.

«Записки» — одно из произведений, стоящих у истоков русской психологической прозы. Под психологизмом мы понимаем психологизм в собственном смысле слова, т. е. изображение внутреннего мира человека, его мыслей, переживаний, желаний.

Сам процесс воспоминаний, а Дашкова писала «без приготовления», по памяти, — это психологическое состояние. Предметы и события входят в поток размышлений, стимулируют мысль, воспринимаются и эмоционально переживаются. Психологизм — это и способ эмоционального воздействия на читателя. Рассказ Дашковой психологически напряжен по ряду причин. В нем воссоздаются наиболее сложные, неадекватно воспринимаемые события XVIII — начала XIX веков: «революция» 1762 года, перипетии долгого царствования Екатерины II, напряженная эпоха Павла I. В центре внимания не только сама рассказчица, но и Екатерина большая, императрица. Их сквозные характеристики пронизывают повествование, причем Дашкова все время пытается разгадать психологическую загадку поведения Екатерины II, женщины «редких дарований и... счастливой природы...» (13—14), обладавшей, как никто в мире, по мнению автора, «быстротой ума, неистощимым разнообразием его источников, ... легкостью манеры и умением скрасить самое обыкновенное слово, придать цену самому ничтожному предмету» (77), и в то же время хитрого политика, умевшего кожей чувствовать возможности общества, степень его психологической готовности к тому или иному событию и отличавшейся «странным» поведением во многих ситуациях.

Психологическая напряженность повествования возрастает за счет того, что Дашкова, декларировавшая объективность своего рассказа («... я могу уверить, что беспристрастная истина водила моим пером.» (291), на самом деле многое скрывает: и сложность своих отношений с Екатериной II, и трагедию семейной жизни.

Напряженность рассказа определяется и некоторыми объективными причинами. Противоречивость самого времени не давала возможности однозначно оценивать людей, их слова, дела и результаты дел. Сплавом противоречивых свойств был характер самой Дашковой, причем время не сгладило, а обострило эти противоречия. Потому и «перед вами картина жизни беспокойной и бурной или, точнее говоря, печальной и обремененной затаенными от мира тревогами сердца, которые не могла победить ни гордость, ни мужество» (1). Потому в «Записках» нет спокойствия, мемуарной умиротворенности. Стоном сквозь стиснутые зубы — незаживающее оскорбленное самолюбие, разбитые материнские надежды, одиночество.

Литература XVII — начала XIX вв. осваивала процесс становления человеческого характера, мировоззренческих основ личности. Глубокий самоанализ, с детства формирующееся стремление понять себя, жизнь и людей отличает Дашкову. Она хорошо осознает основополагающие свойства своего характера, определившие ее реакцию на жизнь, в конечном счете и ее судьбу: «Я по природе была гордой, и эта гордость соединялась с какой-то необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца; потому одним из пламенных моих стремлений было желание быть любимой всеми, кто окружал меня, и притом так же искренно, как я любила их» (7). Дашкова раскрывает те условия, ситуации, которые влияли на характер, формировали его. Представлено движение характера: «Моя первоначальная резвость и веселость уступили место глубокой меланхолии и мрачным размышлениям о всем, что окружало меня. Я сделалась серьезной и мечтательной, редко говорливой, и никогда без предварительно обдуманного плана не удовлетворяла своей любознательности» (8).

Дашковой используются все три формы психологического изображения. Прямая форма — непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни человека через самоанализ, внутреннюю речь, образы памяти и воображения. В большей степени используется косвенная форма, т. е. выявление эмоций через внешние симптомы психологического состояния. Так, страшное потрясение при известии о смерти мужа проявляется у Дашковой в том, что она «совершенно омертвела» и «в этом полуживом, полумертвом состоянии оставалась несколько дней» (96). Наиболее распространенная форма психологического изображения в «Записках» —

¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение. — М.: Наука. — 1990.

суммарно-обозначающая, т. е. кратко называющая те процессы, которые протекают во внутреннем мире персонажей: «Затем грозная тишина воцарилась до 27 июня, до того знаменитого дня, в который приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждого заговорщика» (53).

Атмосфера психологизма сгущается и сознательно поддерживается необычайно концентрированной благодаря нескольким приемам. Так, в любых ситуациях обязательно воспроизводится и часто объясняется психологическая реакция на них. Вводится масса психологических портретов современников, и динамичных, дополняемых и развиваемых (брат Дашковой А. Р. Воронцов, фавориты Екатерины II, Павел и др.), и лаконичных, статичных. Повествование пронизывает система «предсказаний», «предугадываний» Дашковой событий и поступков людей, что заставляет читателя с особым напряжением ожидать подтверждения этих предсказаний. Последовательно используется прием выделения, т. е. указания на неоднозначное восприятие событий, реакцию на них со стороны окружающих и самой Дашковой: «Все, бывшие со мной в одной комнате, за исключением меня самой, грустили и негодовали» (254). Выбором лексических средств подчеркивается острота реакции рассказчицы на события: «верх несчастья», «величайшее наслаждение», «лихорадочный восторг», «бесконечная радость».

XVIII — начало XIX вв. — время исповедальной литературы, в которой человек, осознавший себя, свою индивидуальность, самобытность, стремится выразить это знание о себе и свое понимание эпохи. К числу вершинных произведений такого рода относятся «Записки княгини Е. Р. Дашковой».

А. П. Черников

«НЕУЁМНЫЙ РУССКИЙ ТАЛАНТ...»

(К проблеме изучения жизни и творчества А. В. Амфитеатрова)

Слова, вынесенные в название тезисов, принадлежат И. Шмелеву. И они очень точно характеризуют многогранную личность А. В. Амфитеатрова — прозаика, публициста, фельетониста, литературного и театрального критика, поэта-сатирика, чье творчество в силу ряда причин по сей день остается совершенно не изученным.

А. В. Амфитеатров родился 14 декабря 1862 года в Калуге в семье протоиерея В. Н. Амфитеатрова, позднее настоятеля Архангельского собора в Москве, известного проповедника и автора богословских трудов. Род Амфитеатровых дал России немало выдающихся деятелей православия: Филарета — митрополита Киевского, бывшего перед этим Калужским архиереем, Антония — архиепископа Казанского, Я. К. Амфитеатрова — профессора Киевской духовной академии и др.

Детство будущего писателя прошло в Калуге, Лихвине и Мещовске, где служил его отец. После окончания одной из московских гимназий он поступает на юридический факультет МГУ. Но поприще юриста мало привлекало Амфитеатрова. Еще студентом он начал сотрудничать в юмористическом журнале «Будильник», где вскоре состоялось его знакомство с А. П. Чеховым. С конца 80-х годов Амфитеатров полностью отдается литературной работе. Начав свою творческую деятельность в качестве публициста и фельетониста, он вскоре приступил к созданию крупных художественных произведений, отмеченных печатью подлинного таланта. Как беллетрист Амфитеатров стал известен после публикации романа «Людмила Верховская» («Отравленная совесть»), 1882—1889 гг., в котором исследуются психологические мотивы преступления. Философской основой творчества Амфитеатрова являлся позитивизм. В своих произведениях он освещает широкий круг позитивистских проблем: наследственности, биологической детерминированности поведения человека, психопатологических основ личности и т. п. Стремление писателя к всестороннему исследованию человека, прежде всего его психики в «пограничных ситуациях», анализ роли подсознания явилось несомненным вкладом в отечественную литературу.

В ряде повестей и рассказов, вошедших в сб. «Психопаты» (1893) и «Грезы и тени» (1896) Амфитеатров предпринял серьезную попытку «научным методом» объяснить медиумические явления. Его роман «Жар-птица» (1895) на примере трагических судеб героев, ставших жертвой своих мистических опытов, пока-

звал опасность для человека увлечением оккультизмом, столь модным в русском обществе конца XIX — начала XX века. В то же время это и другие произведения («Тать в нощи», «Казнь», «Черт») сегодня воспринимаются как интересная психологическая фантастика и детектив.

Амфитеатров смело ставил в своем творчестве актуальнейшие для русского общества вопросы. Несколько произведений (роман «Виктория Павловна» и др.) он посвятил защите женского равноправия и вопросам феминизации. Проблема межсословных браков, разрушающих общепринятые принципы и нормы, рассмотрена им в рассказах, объединенных в сб. «Бабы и дамы» (1911). В них воссозданы образы самоотверженных женщин-подвижниц, жертвующих своим личным счастьем ради других. Проституция как социально-психологическое явление исследуется в романе «Марья Лусьева» (1903).

Перу Амфитеатрова принадлежат многотомные романы-хроники, прослеживающие судьбы того или иного рода, который в силу каких-либо исторических, социальных или биологических причин приходит к упадку и вырождению. Наибольшую популярность среди них приобрела хроникальная серия «Концы и начала. Хроника 1880—1910 годов» (1903—1910), куда вошли четыре романа: «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Закат старого века» и «Дрогнувшая ночь». В них писатель со свойственным ему пристальным вниманием к повседневному бытию рисует характеры, ситуации, события, происходящие в частной и общественной жизни, изображая наряду с вымышленными персонажами реальных лиц — Михайловского, Плеханова, Чехова, Суворина, Стасова и др. Действие этих произведений широко и свободно перемещается из семейного особняка в шумный салон, из университета в частную квартиру, из здания департамента в тюремную камеру и т. п. Финалы романов, несмотря на драматизм и даже трагизм многих ситуаций, исполнены веры автора и его любимых героев в счастливое будущее «страдалицы Руси».

Амфитеатров-романист был в то же время и прекрасным писателем-новеллистом, умелым мастером «малого жанра». Здесь особенно ярко проявилось его «изумительное знание быта» (Горький), отмеченное чуткостью к изображению повседневной жизни человека, к живому народному слову. Большое внимание писатель уделял также истории и фольклору разных народов, явившись автором исторического романа «Зверь из бездны» (1910—1914) о жизни Рима эпохи правления Нерона и ряда легенд: «Об одном умельце и грузинской ундине», «Летавица», «Мертвые боги», «Стрелки в Тоскане» и др. Большой углубленностью и сосредоточенностью на предмете исследования отмечено обширное критическое наследие Амфитеатрова, внимательного

ценителя современной ему литературы, автора воспоминаний и литературных портретов Чехова, Л. Толстого, Горького, Л. Андреева.

Во время 1-й мировой войны писатель занял активную патристическую позицию, сотрудничая в качестве журналиста и обозревателя во многих популярных изданиях тех лет.

Октябрьскую революцию Амфитеатров не принял. Его особенно возмущало пренебрежительное отношение новой власти к русской интеллигенции. В своих сатирических антибольшевистских памфлетах писатель предупреждал, что при таком отношении к деятелям культуры Россия может скоро остаться без интеллигенции, что приведет страну к краху. В 1921 году писатель бежал с семьей за границу (на лодке через Финский залив). После недолгого пребывания в Праге он до конца своих дней поселяется в любимой им Италии. Здесь он продолжает работу над семейными хрониками о жизни и духовных исканиях русского общества рубежа веков, пишет воспоминания о своей жизни в Петрограде в первые годы революции, занимается переложением русских повестей XVII века и языческих славянских верований. Активно следит писатель за творчеством своих соотечественников, писателей-эмигрантов. Он первым оценил литературно-общественное значение эпопеи И. Шмелева «Солнце мертвых» о красном терроре в Крыму, подчеркнув, что «более страшной книги не написано на русском языке». В своей брошюре «Литература в изгнании» (1929) он предпринял одну из первых попыток анализа литературы русского Зарубежья. Умер Амфитеатров 26 февраля 1938 года.

Актуальность проблематики, яркость и занимательность сюжетов, пристальное внимание к человеческой личности, виртуозность стиля — все это делает лучшие произведения А. В. Амфитеатрова привлекательными и нужными для современного читателя.

Е. Н. Зайцев

БОРИС ЗАЙЦЕВ В КАЛУГЕ

Долгие семь десятилетий русская культура переживала период духовного обнищания. Незаслуженному забвению были преданы имена И. Бунина, В. Набокова, Б. Зайцева и многих других выдающихся писателей, вынужденных покинуть свою Родину. Время возвращения пришло, и сейчас мы все глубже осознаем, что русская литература XX века немыслима без их произведений, ибо они составляют золотой фонд нашей отечественной культуры.

Творчество Бориса Зайцева, мастера поэтической и мудрой художественной прозы — достояние народа, Родины, которую он так любил: «Все написанное здесь (в эмиграции — Е. З.) мною выросло из России, лишь Россией и дышит» («О себе»).

Сын горного инженера Константина Николаевича Зайцева и супруги его Татьяны Васильевны Б. Зайцев родился в Орле 29 января 1881 года. Раннее детство его прошло в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии, где отец служил управляющим на знаменитых мальцевских заводах. Воспоминания детства были светлыми, радостными, полными ощущения «великого» открытия необъятного мира, который окружал будущего писателя.

В 1891 году Борис Зайцев поступает в Калужскую классическую гимназию. Учится хорошо, много читает. Одноклассники, относясь к нему с уважением, называют его не иначе, как «герр профессор». Примечательна характеристика, данная ему классным наставником Д. Соколовым: «Мальчик способный, старательный, к учебным занятиям относится внимательно, а ведет себя отлично. Переведен в 3-й класс с наградой 2 степени». Участь в 3-м классе, Борис проболел всю последнюю четверть, но, согласно § 36 Устава гимназии, переведен в 4-й класс. На летних каникулах он отдыхает на даче близ усадьбы Авчурина.

Отец будущего писателя мечтал видеть сына инженером, продолжателем его дела. Его убеждение, что к поступлению в высшее техническое заведение лучше готовит реальное училище, чем гимназия, послужило причиной перевода Бориса в 1894 году в 4-й класс РУ. В училище мальчик обнаружил интерес к физике, естественной истории и истории. По этим предметам у него всегда были отличные отметки (фонд архива 78, опись I, д. 578). Продолжает увлекать его рисование акварельными красками.

За время учебы в гимназии и реальном училище Борис проживал: в доме по ул. Спасо-Жировская (н. Салтыкова-Щедрина), снимал комнату у вдовы Крич (н. ул. Софьи Перовской, 28) и в доме своего дяди врача М. Н. Зайцева, моего деда — Е. З.) по ул. Никольской (н. Луначарского, 31).

В 1898 г. Борис Зайцев заканчивает реальное училище и поступает в Императорское техническое училище в Москве. Калужский период жизни писателя завершается. Впереди — плодотворная литературная деятельность.

Е. А. Телеганова

М. М. МЕСТЕРГАЗИ — УЧЕНЫЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

Многими людьми может гордиться калужская земля. В их числе и известный ученый-биолог, путешественник, краевед и просто интересный человек — Михаил Михайлович Местергази.

Он родился в 1884 году в г. Калуге в богатой дворянской семье. Отец его был артиллерийским офицером.

После окончания гимназии М. Местергази поступил в Московский университет, на естественное отделение физмата и специализировался по зоологии. Увлечшись марксизмом еще в старших классах гимназии, он продолжал свою социал-демократическую деятельность и в студенческие годы был участником вооруженного восстания 1905 года, а в 1907 году отбывал тюремное заключение в связи со студенческими беспорядками.

После недолгого перерыва Местергази вновь вернулся к занятиям в университете, которые дополнялись работой на биостанциях и ежегодными путешествиями. Странствовать Михаил начал еще с пятого класса гимназии, зарабатывая на поездки уроками. Постепенно расширяя масштабы поездок, он побывал в различных уголках России, а в 1909 году путешествовал по Азии (Япония, Китай, Индия, Цейлон), откуда привез множество интереснейших предметов этнографического и естественно-научного характера.

После окончания в 1910 году университета и отбывания воинской повинности продолжил посещение отдаленных стран.

Еще студентом М. М. Местергази был одним из членов-учредителей Калужского Общества изучения природы местного края, основанного в 1910 году.

В ноябре 1912 года началась его преподавательская деятельность в Нижегородском учительском институте, а затем продолжилась во вновь основанном пединституте в Калуге.

В ежегодных заграничных поездках Местергази с увлечением собирал материал для музея, который он мечтал организовать в Калуге. И вот такая возможность появилась. Дочь калужского купца Павла Акимовна Рыжичкина положила основание в г. Калуге музея, содействие по устройству которого оказывало Общество изучения природы местного края. Основой музея послужили вещи завещательницы и различные коллекции, в том числе и коллекция М. М. Местергази, состоявшая из 714 предметов, собранных им во время путешествия по Азии.

Наконец, 15 мая 1914 года состоялось открытие музея, который получил следующее название: Городской музей имени А. А.

Рыжичкина «На благое просвещение». Его первым хранителем стал Михаил Михайлович, являвшийся в то время председателем общества.

Однако музейная работа Местергази была недолгой. Любовь к путешествиям победила, и через месяц после открытия музея (16.06.14 г.) он уезжает в Америку. Но на этот раз путешествие, каких было уже немало, стало не совсем обычным. Находясь в Атлантическом океане, пассажиры парохода «Рио Гранде» узнали о начале первой мировой войны. Это известие изменило планы нашего земляка, — он решил вернуться и защищать Россию. Возвращение, однако, было не скорым; чтобы попасть на родину, пришлось М. М. Местергази совершить кругосветное путешествие. Вернулся он в Калугу в ноябре 1914 года и не с пустыми руками: коллекция пополнилась новыми интереснейшими предметами.

Долг честного человека и гражданина призвал Михаила Михайловича на фронт, где с 1915 по 1917 годы он воевал в тяжелой артиллерии.

По окончании войны он вернулся в Калугу и продолжил преподавательскую деятельность, но новая война опять прервала мирный труд многих людей, и Местергази с 1919 по 1921 годы сражался на фронтах гражданской войны.

Еще только одну зиму (1921—1922 гг.) провел он в Калуге, работая в педагогическом институте, на пехотных курсах и в с/х техникуме. В 1922 году он покидает свой родной город и переезжает в Москву.

Здесь М. М. Местергази занимается преподаванием биологических дисциплин в различных учебных заведениях, но не перестает путешествовать. Он неоднократно выезжал за границу, обследовал различные регионы СССР и всюду изучал природу и жизнь людей (этнография всегда влекла исследователя).

Результаты исследований публикуются в виде статей и монографий, по которым можно судить о разносторонности знаний и увлечений этого человека: из-под его пера выходят и книга «Происхождение домашних животных и культурных растений» и рукописный русско-малайский словарь.

С 1935 года Местергази работал старшим редактором биологической литературы в Учпедгизе, затем перешел на ту же работу в издательство «Советская наука», а в 1949 году вновь вернулся в Учпедгиз.

Во время ВОВ он вынужден был эвакуироваться из Москвы и с 1941 по 1943 годы жил в Томске, где опять вернулся к музей-

ной работе (заведовал зоомузеем Томского университета). Здесь он закончил кандидатскую диссертацию на тему «Человек как фактор изменения животного мира», которую защитил уже в Москве в 1944 году.

Какой бы работой ни занимался Местергази, он не прекращал преподавательской деятельности — все свои знания отдавал людям и еще в 1938 году получил звание доцента.

Незаурядные способности, жизнерадостность, чувство юмора и многие другие прекрасные человеческие качества всегда привлекали к Михаилу Михайловичу людей самых разных: будь то известные ученые или местные жители далеких и «диких» стран.

Умер М. М. Местергази в 1954 году.

Е. Б. Левина

ТАРУССКИЕ ПИСЬМА И. В. ЦВЕТАЕВА

В 1891 году И. В. Цветаев, профессор Московского университета, по приглашению родственницы Е. А. Добротворской, бывшей замужем за тарусским земским врачом, впервые приехал с семьей на отдых в Тарусу и провел лето в имении Бутурлиных — «Игнатовское». В 1892 году семья берет в долгосрочную аренду у города дачу «Песочное», которой владеет до 1910 года. Для Ивана Владимировича дача была местом отдыха и спокойствия, но и здесь он не прекращал работу по созданию Музея изящных искусств.

История создания Музея насчитывает не менее чем полтора столетия. Несколько поколений лучших представителей русской интеллигенции приближали это событие. В 1899 году кафедру теории и истории изящных искусств в Московском университете возглавил И. В. Цветаев. В течение десяти лет, ценой невероятных усилий он придал делу организации музея широкий размах: привлек выдающихся историков, искусствоведов, архитекторов, художников; при Московском университете был создан комитет по устройству музея; в центре Москвы была получена земля под строительство; к созданию музея были привлечены богатые коммерсанты России. На постройку и отделку здания, на размещение коллекций, оформление залов ушло 16 лет, и на протяжении 1896—1912 годов профессор И. В. Цветаев вел «Летопись» всех событий (письма, отчеты, дневники). Эпистолярное наследие выдающегося ученого велико. В архиве ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится около 300 писем И. В. Цветаева — Р. И. Клейну (архитектор, автор проекта музея); большое число писем Ю. С. Нечаеву-Мальцеву (промышленник, миллионер, гофмейстер двора, главный меценат музея); переписка с художниками Р. М. Васнецовым, П. В. Жуковским, В. Д. Polenовым; с архитекторами В. А. Бекламишиным, А. М. Опекушиным; учеными В. С. Голенищевым, А. В. Праховым и другими. Большая часть эпистолярного наследия сосредоточена в архиве ГМИИ, материалы также хранятся в ЦГАЛИ, ГТТ, Академии художеств.

Проследившая переписку Ивана Владимировича, необходимо отметить широкую географию его писем: Берлин, Дрезден, Фрейбург, Лозанна, Перви, Неаполь, Равенна, Париж, Санкт-Петербург, Урал, уездный городок Таруса.

Тарусские письма. По хронологии они охватывают период с 1898 по 1909 годы. Главная тема писем — создание музея, основного детища жизни ученого. Так, в письме от 5 июня 1898 г. брату Дмитрию мы читаем: «...день решения вопроса о земле в Думе,

близится к нам. Землю теперь, я уверен, дадут. Вслед за этим настанет пора исключительно вашей деятельности по испытанию почвы, постройке забора, чертежной и сторожки, — по приобретению через Правление Университета строительных материалов».

В письме от 15 сентября 1906 г. Цветаев пытается ободрить Романа Ивановича Клейна в связи с предъявлением ему счетов подрядчиков. И здесь же о том, что «в эту ужасную погоду я не имею возможности двинуться вместе с младшею девочкой, остающейся здесь, в семье моей двоюродной сестры. Ее до железнодорожной станции, отстоящей отсюда в 17 верстах, сейчас убийственной грязи, распростудишь в здешних ужасных пролетках».

Для всех членов семьи Цветаевых музей имел большое значение. Марина Цветаева писала: «Помогать музею было прежде всего духовно помогать отцу, верить в него, а когда нужно и за него».

Многие письма из Тарусы содержат сведения о семейных радостях и печалях, круге родственников и знакомых, среди которых — семья художника В. Д. Поленова, жившего недалеко от Тарусы в своем имении «Борок». Ученого и художника связывали творческие интересы. В письме из Тарусы от 10 августа 1902 года читаем: «Был у меня В. Д. Поленов для беседы об украшении Музея картинами... По представлению Поленова, залы музея должны будут получить главным образом ландшафтные картины... Для себя он желал бы взять Египет, Палестину и Афины с важнейшими местами Греции».

О В. Д. Поленове сведения также в письмах от 13 и 17 августа 1902 года.

Большой интерес представляет письмо Нечаеву-Мальцеву, в котором Иван Владимирович подробно описывал свое пребывание в Тарусе: «...Я с дочерью и сыном приехал сюда, в тихую и маленькую Тарусу, чтобы отдохнуть на свободе от визитов и приемов этого времени. Дети гостят в семье моего двоюродного брата, земского врача, о котором я Вас просил, сам я живу один во флигельке у м-ме Мейн и вот второй день, как наслаждаюсь тут невозмутимым покоем... После суматошной жизни, какую суждено мне вести в Москве, лучшего санатория для натянутых нервов и соединенных с этим бессонниц, кажется, нет в мире: хоть изъезди всю Ривьеру, всю Италию, Крым и другие благодатные места».

Далее описывается дом и быт Сусанны Давыдовны Мейн. С. Д. Мейн — жена Александра Даниловича Мейна, отца Марии Александровны во втором браке. Ее дом часто посещали все Цветаевы.

Письма-подлинники почти не сохранились, но в архиве ГМИИ хранятся их списки, сделанные еще при жизни Ивана Владими-

ровича Цветаева дочерью тарусских родственников Людмилой Добротворской. Она по просьбе дяди переписывала их в большую тетрадь за небольшую плату.

31 мая 1912 года состоялось открытие Музея изящных искусств, созданного самоотверженным трудом и выдающимися организаторскими способностями профессора И. В. Цветаева, превыше всего ставившего цели «внесения чистых образов и идей в среду современного и грядущего юношества».

Значение тарусских писем времени создания музея велико — они освещают культурную и общественную жизнь Москвы и России того времени. Для краеведов, изучающих Тарусский период жизни семьи Цветаевых, они являются важным документальным источником.

А. А. Бауэр

«ПАМЯТНАЯ КНИЖКА КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ»

как историко-краеведческий источник

«Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии» — официальное издание губернского статистического комитета, издавались в Калуге в 1851—1917 гг., неперiodически. Печатались в типографии губернского правления тиражом от 300 до 600 экз. Редактировали их секретари губернского статистического комитета: П. С. Щепетов-Самгин (кн. 1861—1863), Н. Гильдебрандт (кн. 1869—1873), Н. П. Быков (кн. 1881), Я. П. Тимохович (кн. 1884—1894), И. П. Балабанов (кн. 1895—1909), Л. В. Сидоренко (кн. 1897), Ф. Ф. Кадобнов (кн. 1910—1917).

Всего вышло 40 книг («ПК на 1870 год» вышла в 2-х вып.). Пагинация смешанная, объем книжек от 128 до 394 страниц.

Заглавие: на 1852, 1861—1862/1863, 1869—1870, 1873/1874, 1881, 1884—1885, 1894, 1896, 1900 — *Памятная книжка Калужской губернии*; на 1871 — *Справочная книжка Калужской губернии*; на 1876, 1888—1890, 1892—1893, 1895, 1897, 1899, 1901 — *Адрес-календарь Калужской губернии*; на 1902—1903 — *Адрес-календарь и памятная книжка Калужской губернии*.

Регулярно в «Памятных книжках» печатались списки всех чинов гражданского, военного и духовного ведомств, служивших в учреждениях на время издания, а также сведения о должностных лицах и составе различных общественных организаций губернии (обществ сельского хозяйства, калужских врачей, ученой архивной комиссии, церковного историко-археологического общества изучения истории и природы местного края и др.). Помещались краткие данные о частных и общественных финансово-экономических учреждениях — банках, попечительствах, кассах взаимопомощи и т. п.).

В течение первых 30 лет издания материал в «Памятных книжках» группировался по четырем отделам: официальному, статистическому (справочному), историческому, этнографическому. Статистические материалы, отражающие географо-экономическое состояние губернии, составлялись в основном секретарями губернского статистического комитета и редакторами «Памятных книжек» и помещались без подписи. Часто публиковались авторские историко-статистические материалы. О географии и истории края писал П. Щепетов-Самгин (кн. 1861, 1862/1863), о состоянии сельского хозяйства и землевладении писали В. Деллийдович (кн. 1861), А. Ламанский (кн. 1862/1863), А. Пешехо-

нов (кн. 1898); об истории и состоянии фабрично-заводской промышленности губернии — И. Тарасенков (кн. 1861), В. Шангин (кн. 1898), И. Балабанов (кн. 1904, 1906), Н. П. Авраамов (кн. 1905); о народном образовании — П. Щепетов-Самгин (кн. 1861, 1862/1863), Н. П. Быков (кн. 1881), И. Балабанов (кн. 1898).

Значительное число материалов опубликовано на страницах «Памятных книжек» по истории памятников Калужской губернии. Так, П. Ляметри собрал исторические сведения о монастырях и крестных ходах (кн. 1861, 1871), в кн. 1873/1874 помещена неподписанная статья о Лихвинском Покровском монастыре и церковная летопись Калуги с описанием существовавших в ней церквей. И. Балабанов описал свое пребывание в Козельской Оптиной пустыни (кн. 1898), Н. Гильдебрандт — дом Коробовых в Калуге (кн. 1908).

Кроме указанных авторов, в разное время издания «Памятных книжек» в них сотрудничали М. Попроцкий, В. Кашкаров, Н. В. Захаров, А. П. Романов, П. Васильев, И. Я. Мирославский и другие.

С 1901 г. в «Памятных книжках» регулярно публиковались списки калужских губернаторов и вице-губернаторов, губернских предводителей дворянства, калужских городских голов, местных епископов с начала учреждения губернии и до 1917 г. Помещались данные о библиотеках, типографиях, учебных заведениях, периодических изданиях Калуги и губернии. В некоторые годы к «Памятным книжкам» прилагалось по несколько десятков (порой до 80) статистических таблиц (ведомостей) по разделам: пространство губернии; народонаселение; вероисповедание; сельское хозяйство; фабрики и заводы; образованность; общественный быт; отхожие и местные промыслы сельского населения; здравоохранение; торговля.

В «Памятных книжках» было опубликовано много материалов о крупных событиях в истории края, в частности, о войне 1812 года. Так, в кн. 1869 описывались памятники Отечественной войны в губернии; И. Ф. Извеков рассказал о преданиях, бытовавших в Малоярославецком уезде, о событиях войны с французами (кн. 1910). Несколько очерков о событиях войны 1812 г. на территории губернии дал В. И. Асонов (кн. 1911—1912), В. Н. Халаев выступил с краткими очерками о калужанах — участниках войны (кн. 1913).

Историко-биографический жанр был представлен материалами Н. П. Аврамова о пребывании Н. В. Гоголя в Калуге (кн. 1910), В. В. Шангина о калужском наместнике Е. П. Кашкине (кн. 1905), Г. Емельянова о фабриканте И. И. Борисове (кн. 1862/1863), И. П. Балабанова о крупном предпринимателе и зем-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

левладельце С. И. Мальцеве (кн. 1904), Ф. Ф. Кадобнова о бан-
кирах М. и П. Малютиных (кн. 1913).

Большое место, особенно в первое десятилетие издания, уде-
лялось публикации историко-этнографических материалов. Так,
в кн. 1862/1863 опубликована заметка о маркитантах (крестьянах-
охотниках), подп. «Н. Л-въ», а также статьи П. Ляметри и А. Тол-
мачева о крестьянских свадьбах в Мещовском и Малоарославец-
ком уездах, Г. Потанина о гамаюнах (группа крестьянского на-
селения в Калужском уезде, позже исследованная М. Е. Шере-
метевой). Значительны по фактическому материалу статьи В. Го-
ляшкина о кружевном промысле в Боровском уезде (кн. 1898),
неподписанный материал об обычаях, поверьях и приметах ка-
лужских крестьян (кн. 1910).

Материалы, опубликованные в «Памятных книжках», явля-
ются ценнейшими источниками по истории крестьянских промы-
слов губернии, в каждой книге печатались статистические обзоры
по различным видам промыслов, как производительных, так и не-
производительных, как местных, так и отхожих, с указанием
числа участников, объемов выработки, оборота и реализации
изделий.

Статистические таблицы подробно описывали торговлю края;
данные располагались по уездам и сообщали количество и места
ярмарок и торгов, их оборот, количество участников, места сбыта
и т. п. Такие же подробные таблицы помещались с данными о
фабрично-заводской промышленности губернии.

Разнообразный материал о социальном обеспечении дают
статьи И. Балабанова и Ф. Кадобнова о благотворительных уч-
реждениях губернии (кн. 1896, 1898, 1905, 1912).

Обобщая сказанное, можно утверждать, что «Памятные книж-
ки Калужской губернии» — комплексный источник по истории
края во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. Им пользуется уже не одно
поколение калужских краеведов и историков...



Рис. 1а. Змеевик. Аверс.



Рис. 1б. Змеевик. Реверс.

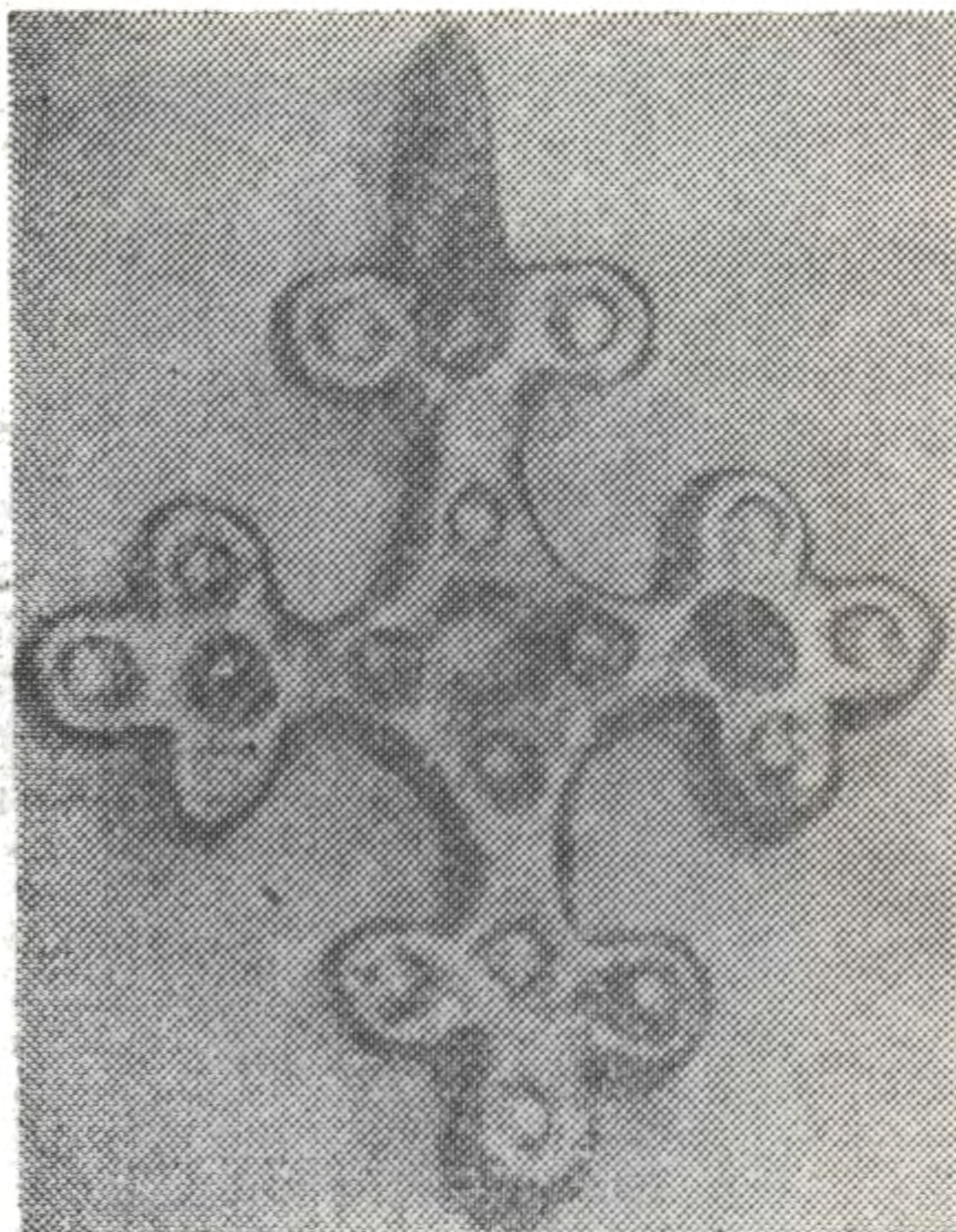


Рис. 2. Крестовидная привеска.



Рис. 3. Двусторонний Крест.

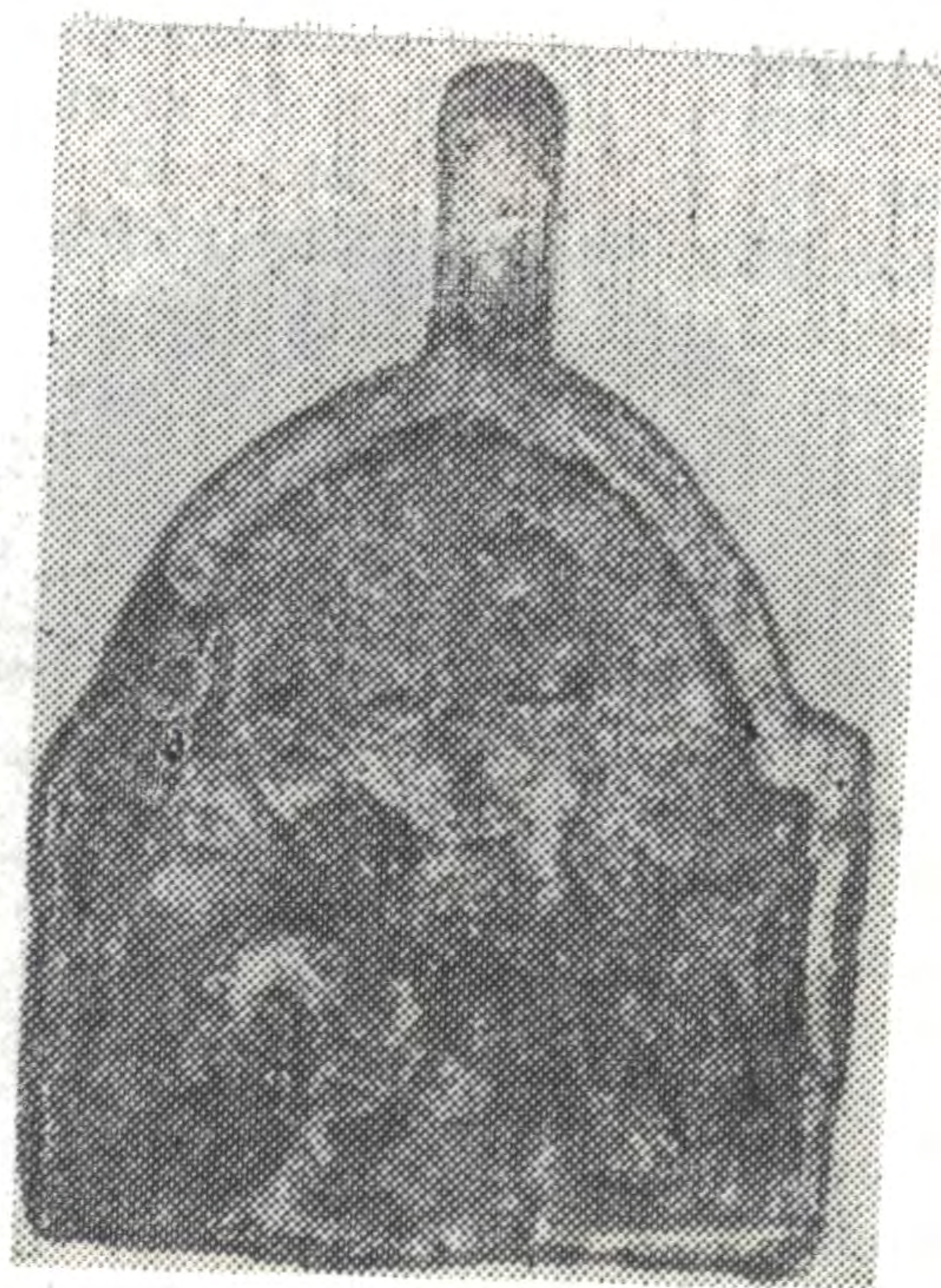


Рис. 4. Нагрудная иконка «Спас Эммануил».

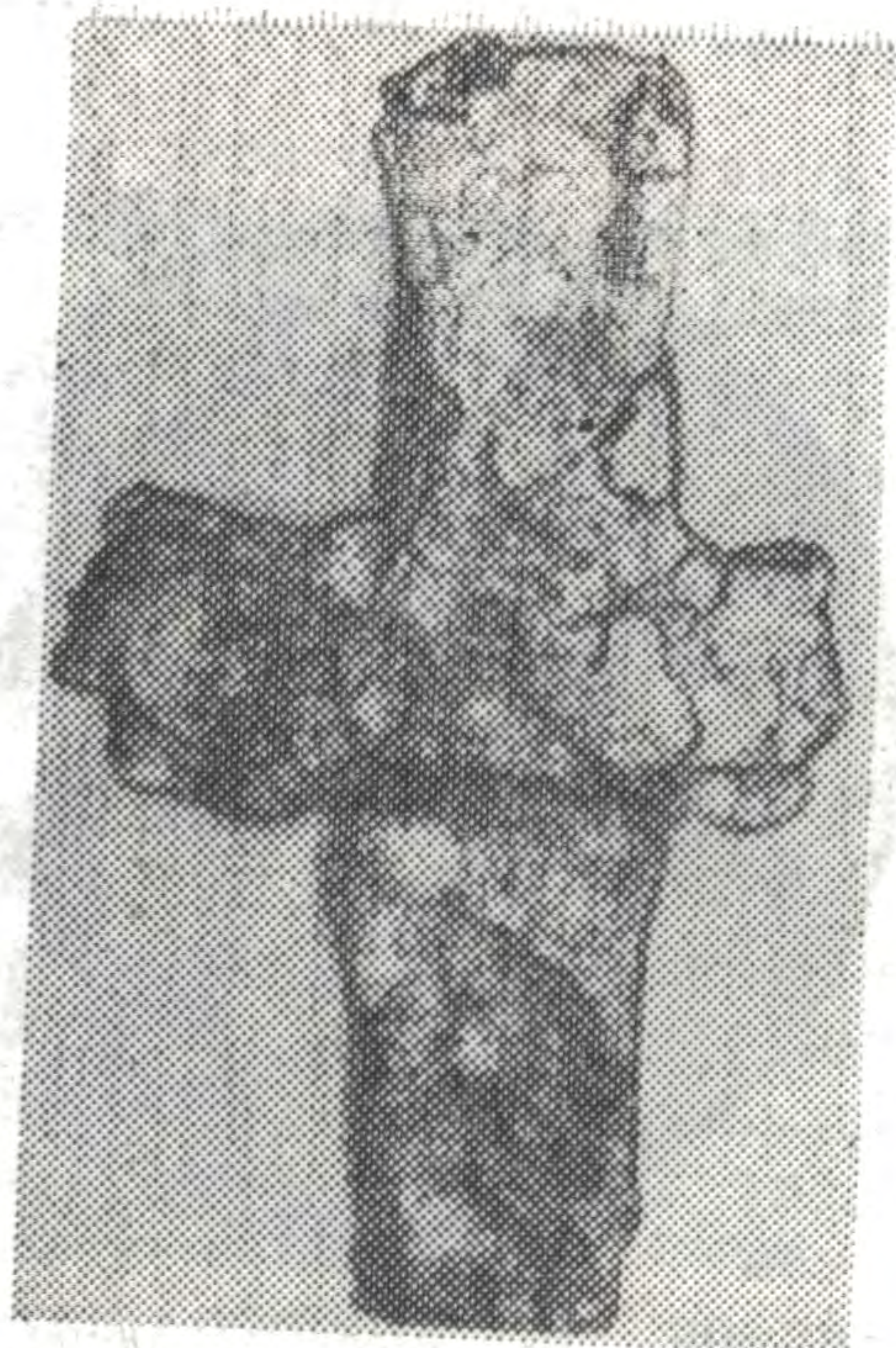


Рис. 5. Оловянный крест-тельник.

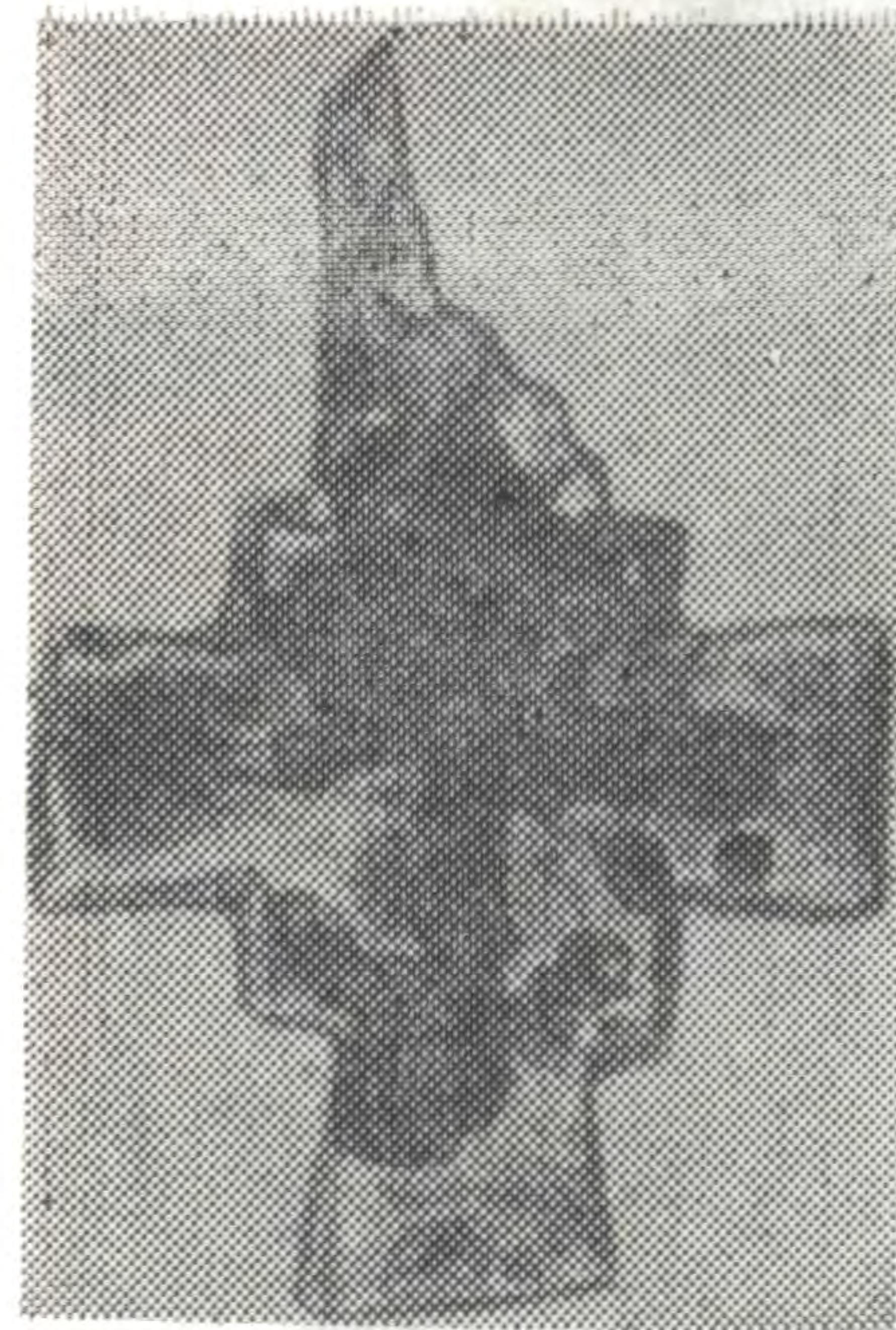


Рис. 7а. Створка энколпиона. Аверс. Стародубский р-он, с. Нижнее.

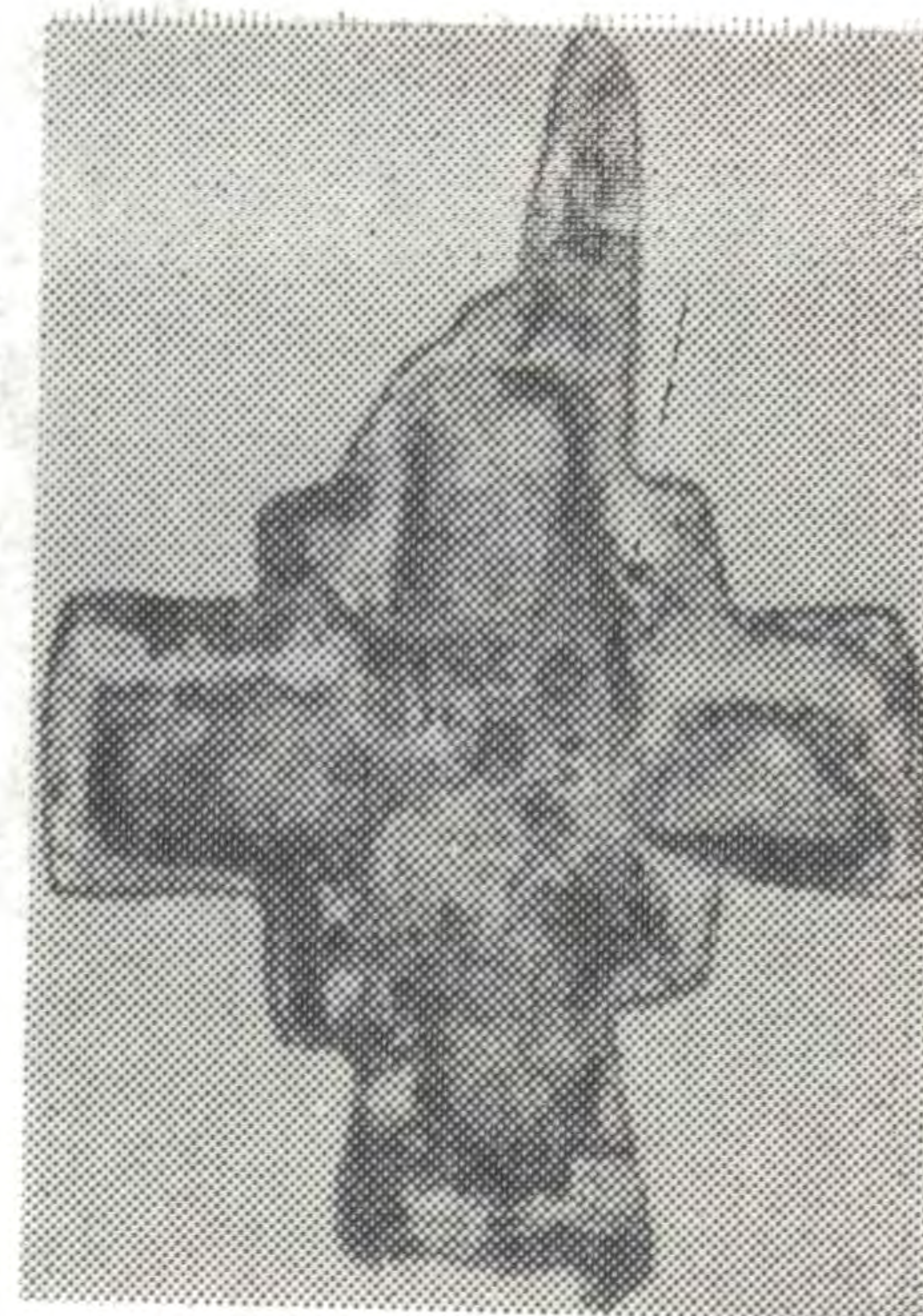


Рис. 7б. Створка энколпиона. Реверс. Стародубский р-он, с. Нижнее.

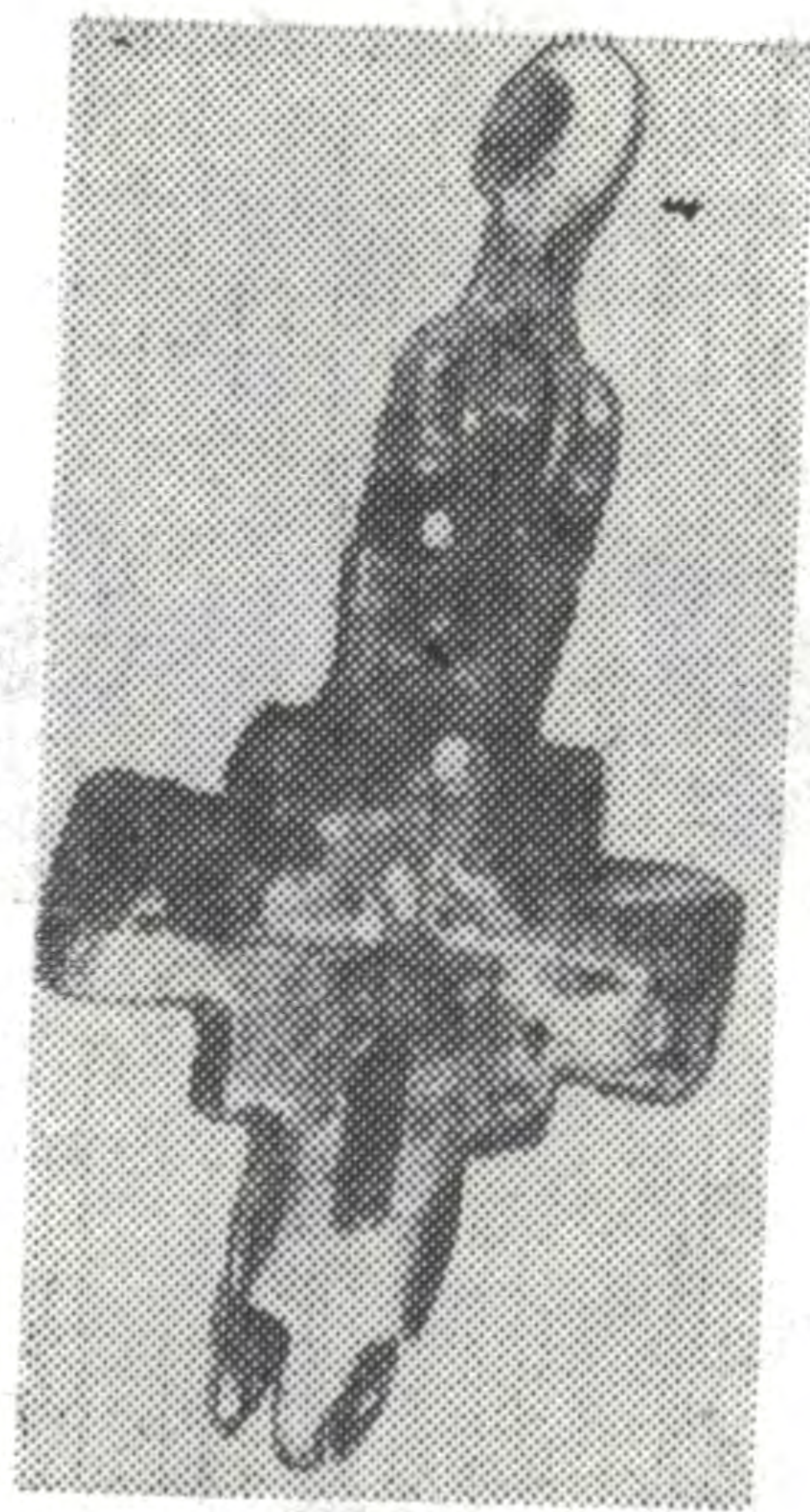


Рис. 6а. Крест-энколпион. Аверс Дебрянск.



Рис. 6б. Крест-энколпион. Реверс. Дебрянск.



Рис. 8. Иконка «Никита, избивающий беса». Стародубский р-он, с. Рябцево.



Рис. 9. Наперстный крест, г. Карачев.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

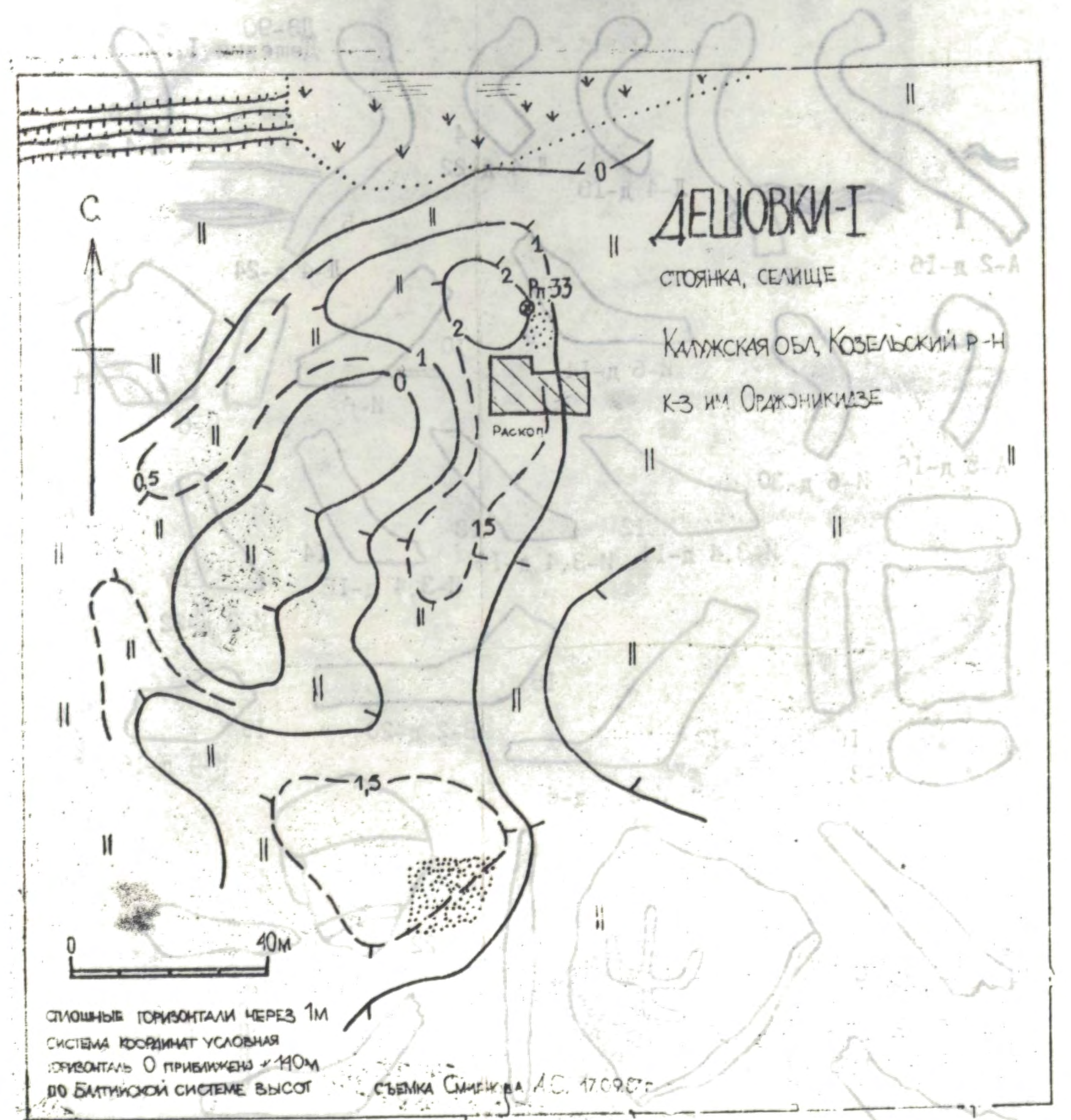


Рис. 1. План стоянки, селище Дешовки 1.

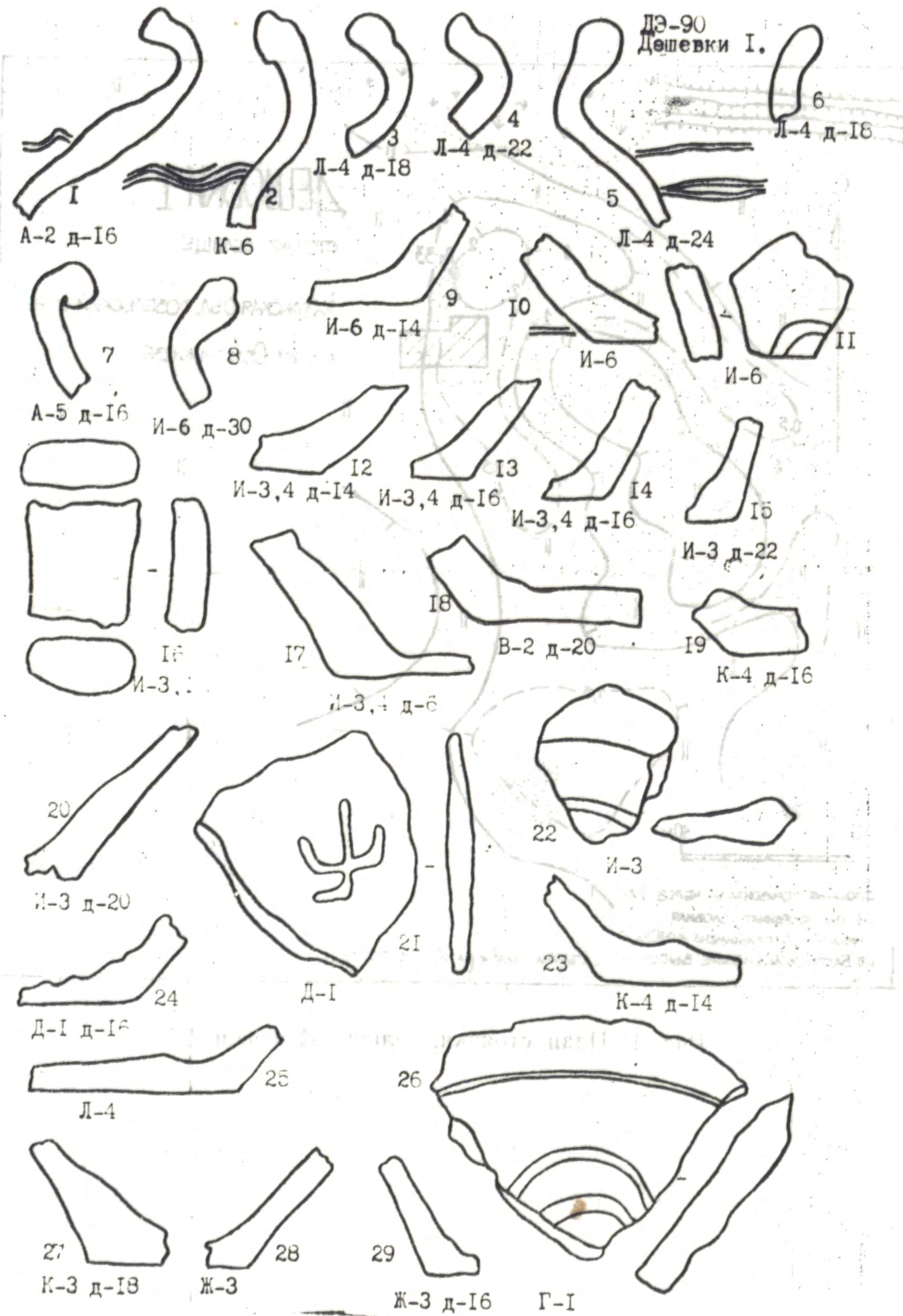


Рис. 2. ДЭ-90 Дешевки 1,

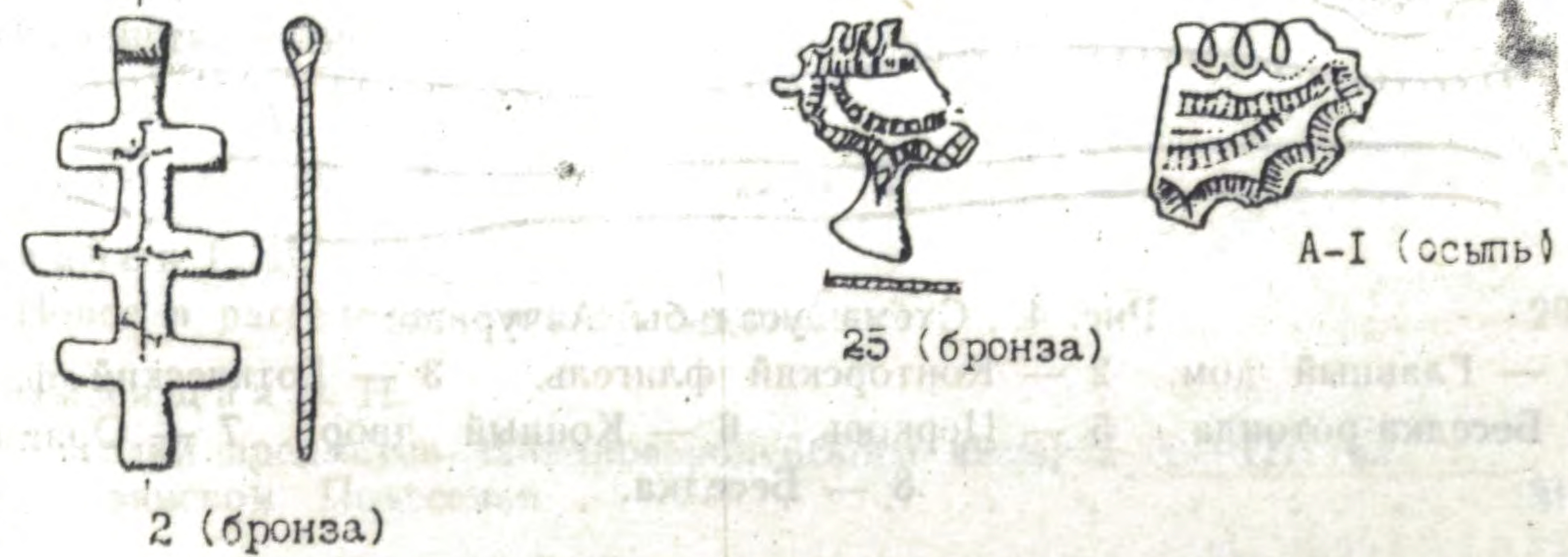
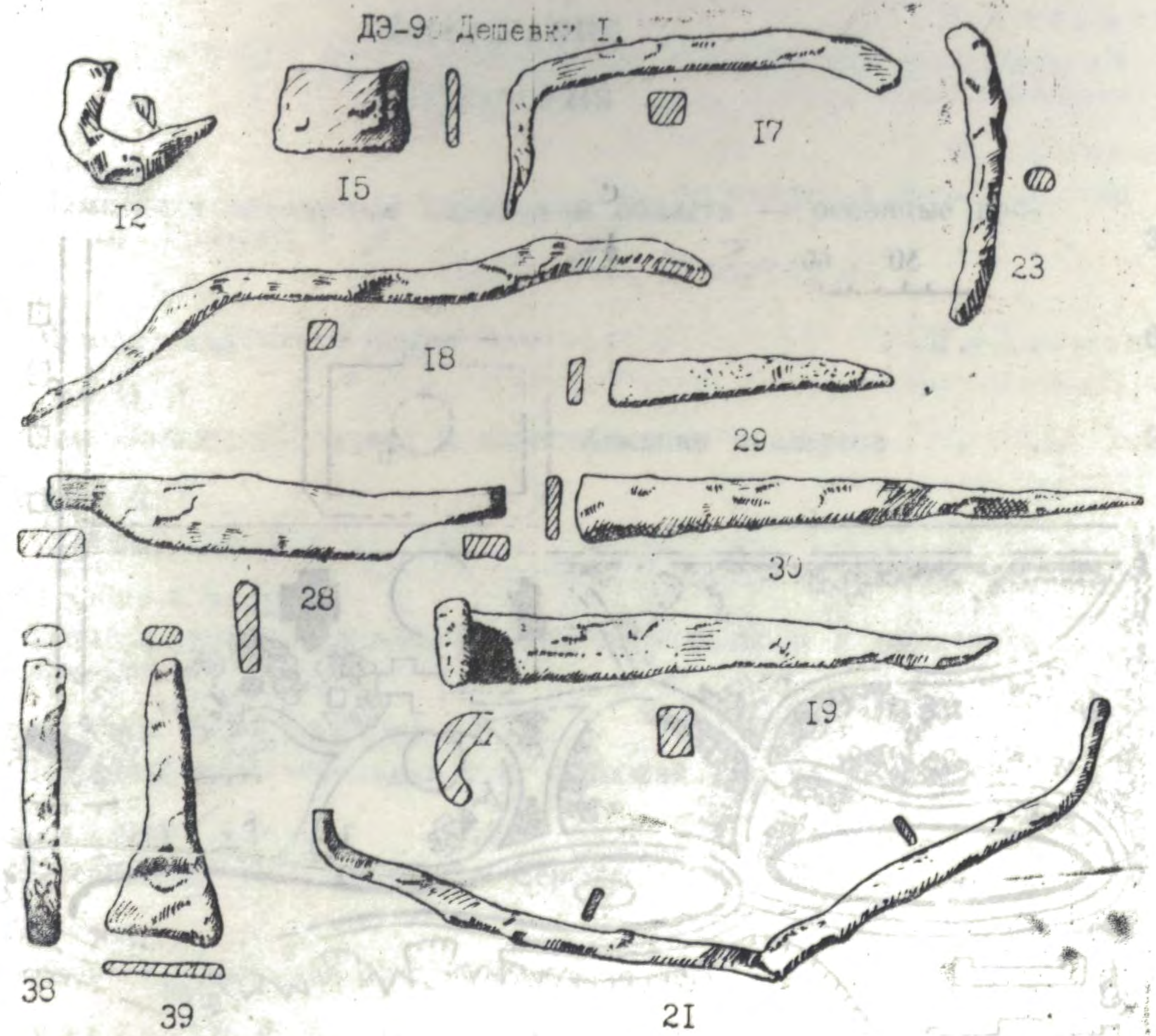


Рис. 3. ДЭ-90 Дешевки 1. находки из слоя.
 Илл. 1. Змеевик. Аверс. Илл. 1. Змеевик. Реверс. Илл. 2. Крестовидная привезка. Илл. 3. Двусторонний Крест. Илл. 4. Нагрудная иконка «Спас Эммануил». Илл. 5. Оловянный крест-тельник. Илл. 6. Крест-энколпион. Аверс Дебрянск. Илл. 6. Крест-энколпион. Реверс. Дебрянск. Илл. 7. Створка энколпиона. Аверс. Стародубский р-он, с. Нижнее. Илл. 7. Створка энколпиона. Реверс. Стародубский р-он, с. Нижнее. Илл. 8. Иконка «Никита, избивающий беса». Стародубский р-он, с. Рябцево. Илл. 9. Наперсный крест, г. Карачев.

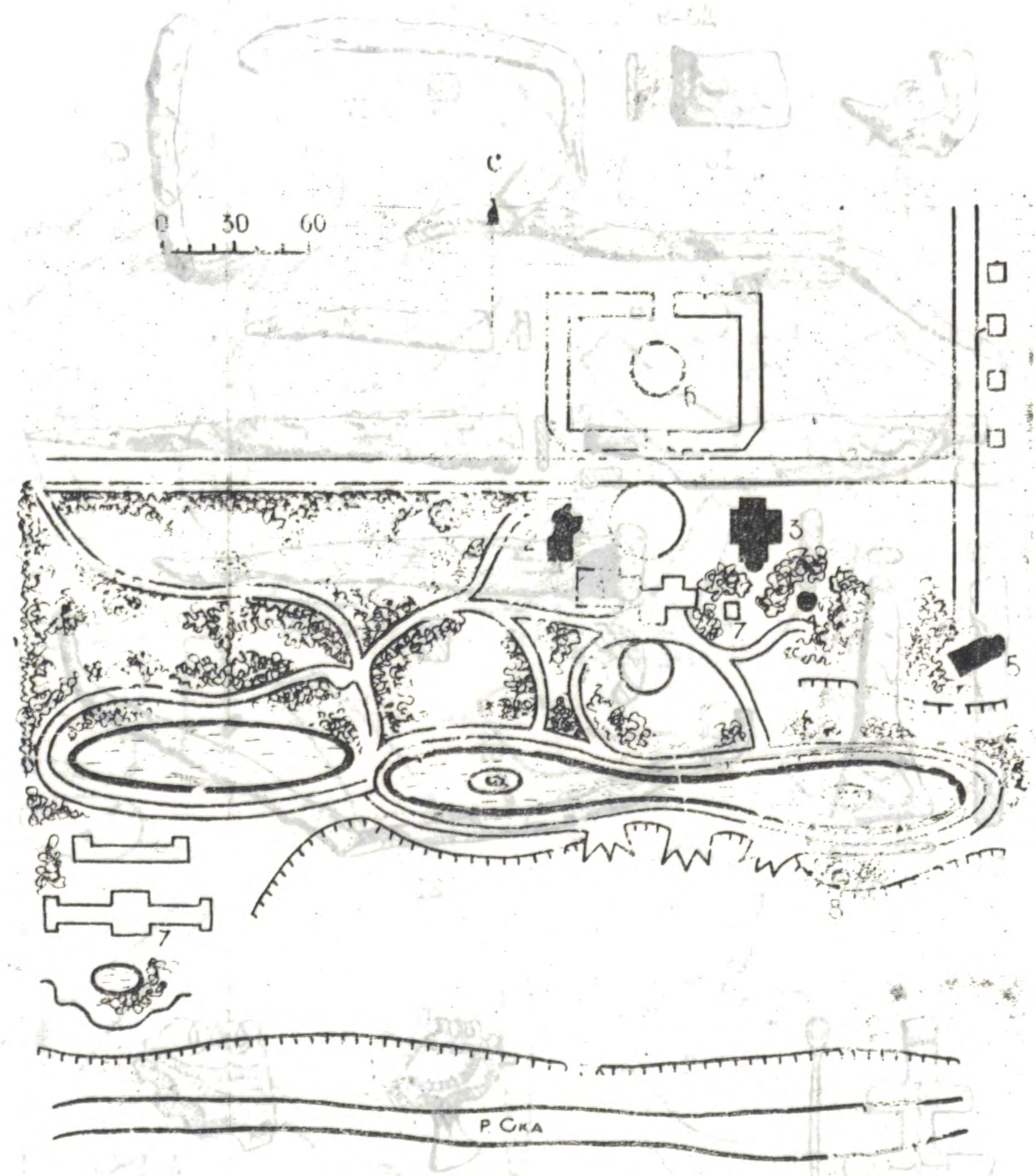


Рис. 4. Схема усадьбы Авчурино:

- 1 — Главный дом. 2 — Конторский флигель. 3 — Готический флигель.
 4 — Беседка-ротонда. 5 — Церковь. 6 — Конный двор. 7 — Оранжерея.
 8 — Беседка.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Фролов А. С. Памятники археологии Калужской области — основные проблемы изучения	3
Сорокин А. Н. Мезолит калужской земли	6
Зотько М. Р. Технологический подход к классификации нуклеусов	9
Ефимов А. Е. Стоянка Нагорное I	11
Грудинкин Б. В. Геоморфология Калужско-Алексинского каньона и памятники археологии	13
Челяпов В. П., Буланкин В. М. Поздняковский могильник у д. Лебяжий Бор на р. Мокше	17
Массалитина Г. А. Древнейший слой городища Серенск	19
Прошкин О. Л. Древнерусский слой Мощинского городища	21
Нигматуллин Р. А., Смирнова М. Е., Хохлова Т. М. Стоянка и селище Дешевки I	23
Шинаков Е. А., Сарычева Т. Л. Кривичско-вятичско-радимичское пограничье	25
Шинаков Е. А. Курганная группа у с. Пеклино	27
Кропачев Г. В. Новое в расселении вятичей и кривичей	29
Непомнящая В. Н. Находки предметов западноевропейского импорта X—XIII вв. в Брянском Подесенье	31
Поляков Г. П., Пуцко В. Г. Изделия древнерусской металлопластики XI—XVI вв. в собрании Брянского музея	33
Зайцева И. Е. Медные сплавы Серенска	35
Зайцев А. А. Археологические исследования Свято-Пафнутьев-Боровского монастыря: предварительные итоги (1961—1991 гг.)	38

Смирнов А. С.
Компьютерные программы в археологии (краткий обзор программных продуктов) 40

Ульянов А. И.
Угодский край в древности 43

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Филимонов В. Я.
Проблемы региональной истории: новые подходы 46

Ярхо К. М.
Калуга на древней карте 48

Зорина М. А.
О новом подходе к изучению рабочего движения в Калужской губернии (некоторые итоги работы над хроникой рабочего движения) 52

Кислицына М. В.
Обзор документов ЦГАДА по фонду Гончаровых 55

Юркин И. Н.
После смерти Григория Никитича Демидова: судьба его наследия и наследников (1728—1771 гг.) 58

Осипов В. И., Осипова А. И.
Ущерб, причиненный Боровску в Отечественной войне 1812 года 61

Журова Г. М.
Книжная торговля Антипиных в Калуге (по данным ГАКО и КГВ) 64

Никитина Н. Н.
Выселение бывших помещиков из имений в 1924—1928 гг. (по материалам ГАКО) 67

Марченко Н. В.
Материалы о Калужском и Обнинском Народных фронтах 1989—1990 гг. 70

Зорин А. А.
Дмитрий Маркович Полторацкий и его усадьба Авчурино 73

Лотарева Д. Д.
Русское провинциальное масонство второй половины XVIII — первой четверти XIX вв. (К постановке проблемы) 75

Доманова Г. И.
Федор Захарович и Александра Николаевна Ключаревы в истории Оптиной Пустыни и Шамордино 77

Иванов В. А.
Обнародование манифеста и «Положений 19 февраля 1861 г.» в Калужской губернии 79

Потапова Л. И.
Крестьянские промыслы в Калужской губернии в пореформенный период 82

Рулев А. Н.
Жизнь калужской деревни 20-х годов в освещении губернской газеты «Коммуна» 84

Личенко С. И.
Калужские традиционные обычаи и обряды XIX — нач. XX вв. 86

Козыро Л. А.
Специфика психологизма «Записок княгини Е. Р. Дашковой» 88

Черников А. П.
«Неуемный русский талант...» (К проблеме изучения жизни и творчества А. В. Амфитеатрова) 91

Зайцев Е. Н.
Борис Зайцев в Калуге 94

Телеганова Е. А.
М. М. Местергази — ученый и путешественник 96

Левина Е. Б.
Тарусские письма И. В. Цветаева 99

Бауэр А. А.
«Памятная книжка Калужской губернии» как историко-краеведческий источник 102

Иллюстрации 105

